

The background of the cover is a light blue sky with a large tree branch and green leaves at the top. In the center, there is a silhouette of a person standing next to a horse in a green field. In the background, there are stylized city buildings. At the bottom, there are small white daisies.

От автора
абсолютного супербестселлера
«ДО ВСТРЕЧИ С ТОБОЙ»,
переведенного более чем на 30 языков!

Танцующая с лошадьми

ДЖОДЖО МОЙЕС

Легкая и увлекательная история,
захватывающая с первых строчек.

Cosmo.ru

и

Джоджо Мойес

Танцующая с лошадьми

«Азбука-Аттикус»

2009

Мойес Д.

Танцующая с лошадьми / Д. Мойес — «Азбука-Аттикус», 2009

ISBN 978-5-389-09769-8

Сара – четырнадцатилетняя внучка Анри Лашапаля, в прошлом очень талантливого наездника. Когда-то Анри желал ощутить себя «человеком с крыльями». И вот теперь дед помогает девочке освоить классическую езду, он хочет, чтобы Сара бросила вызов силам притяжения. Но неожиданно приходит беда, и Сара должна уже в одиночку постоять за себя... У Наташи Макколи, адвоката, защищающего права детей, черная полоса в жизни. Она вынуждена делить дом с бывшим мужем, все ее дела идут хуже некуда. Как-то вечером, не желая оставаться с бывшим мужем под одной крышей, Наташа едет в супермаркет и там случайно встречается с Сарой. Она решает забрать девочку к себе, не представляя, что у Сары есть секрет, который способен изменить их жизни навсегда... Впервые на русском языке!

ISBN 978-5-389-09769-8

© Мойес Д., 2009

© Азбука-Аттикус, 2009

Содержание

Пролог	6
Глава 1	15
Глава 2	25
Глава 3	31
Глава 4	38
Глава 5	49
Глава 6	59
Глава 7	69
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Джоджо Мойес

Танцующая с лошадьми

Jojo Moyes

THE HORSE DANCER

Copyright © 2009 by Jojo's Mojo Limited

All rights reserved

This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK and The Van Lear Agency
LLC

© И. Нелюбова, перевод, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015

Издательство Иностранка®

* * *

Посвящается Ч., С., Г. и Л., а также Мекке Харрис

*Покажи мне свою лошадь, и я скажу, кто ты.
Старинная английская пословица*

Пролог

Он заметил ее желтое платье еще до того, как увидел ее саму: оно мелькнуло в дальнем конце конюшни, как маяк в сумерках. Он остановился на миг, решив, что ему показалось. Потом ее белая рука потянулась вверх, и изящная голова Геронтия склонилась над дверью стойла, принимая угощение. Он ускорил шаг, почти побежал, лязгая сапогами с металлическими носами по сырому булыжнику.

– Ты здесь!

– Анри!

Она обернулась, он обнял ее за талию и поцеловал, вдыхая чудесный аромат волос. У него перехватило дух, но он взял себя в руки, вспомнив, что ему предстоит.

– Мы приехали сегодня днем. – Она уткнулась ему в плечо. – У меня даже не было времени переодеться. Должно быть, выгляжу ужасно... но я сидела на трибунах, когда увидела тебя сквозь занавес. Я должна была прийти, чтобы пожелать тебе удачи.

Она говорила неразборчиво, но он ее и так почти не слышал. Он был оглушен самим присутствием девушки, ощущением ее тела в своих объятиях после стольких месяцев разлуки.

– Дай-ка мне на тебя взглянуть!

Она сделала шаг назад и стала осматривать его с головы до ног, скользя взглядом по черной фуражке, по безупречной униформе. Протянула руку, смахивая несуществующую пылинку с золотого эполета. Он отметил с благодарностью, как нехотя она отвела руку. Как чудесно, что между ними нет никакой неловкости, даже после стольких месяцев. Никакого кокетства. Само простодушие. Девушка, которая жила в его мечтах, вновь предстала перед ним во плоти.

– Ты великолепно выглядишь, – отметила она.

– Я... не могу остаться. Мы начинаем через десять минут.

– Я знаю. Карусель – это так здорово. Мы видели мотоциклистов и парад танков. Но ты, Анри, ты и лошади, безусловно, самое привлекательное. – Она бросила взгляд в сторону арены. – Кажется, вся Франция здесь, чтобы увидеть вас.

– У вас есть *les billets*?

Оба насупились. Несмотря на все их старания, языковой барьер еще сохранялся.

– *Billets*... – Он покачал головой, недовольный собой. – Билет. Билеты. Лучшие билеты.

Она радостно улыбнулась, и его недовольство, хоть и короткое, улетучилось.

– Билеты есть. Мы с Эдит и ее мамой сидим в первом ряду. Им не терпится увидеть, как ты гарцуешь. Я им все про тебя рассказала. Мы остановились в «Шато Верьер». – Она заговорила шепотом, хотя рядом никого не было. – Очень шикарно. Уилкинсы ужасно богаты. Намного богаче, чем мы. Мило, что они меня пригласили.

Пока она говорила, он наблюдал за ней. Ему не давал покоя изгиб ее верхней губы, напоминающий лук Купидона. Она здесь. Он бережно обхватил ее лицо ладонями в белых лайковых перчатках.

– Флоренс... – Он перевел дух и снова ее поцеловал. Ее кожа пахла солнцем, хотя уже сгущались сумерки. Аромат был всепроникающим, будто она была создана излучать тепло. – Я думаю о тебе каждый день. До тебя у меня не было ничего, кроме Кадр-Нуар. Теперь без тебя мне все не в радость.

– Анри! – Она погладила его по щеке и прильнула к нему.

У него закружилась голова.

– Лашапель!

Он резко обернулся. Дидье Пикар стоял возле головы своей лошади, натягивая перчатки. Конюх готовил седло.

– Считаешь, что, если будешь думать о выезде столько же, сколько о своей английской шлюшке, у нас что-нибудь получится, а?

Флоренс не хватало знания французского, чтобы понять сказанное, но она заметила ухмылку на лице Пикара, и Анри понял: она догадалась, что другой француз сказал что-то неприятное.

В нем снова закипел гнев, и он сжал зубы. Неодобрительно покачал головой, давая Флоренс понять, что находит высказывание Пикара глупым и неуместным. Пикар вел себя оскорбительно и вызывающе после той поездки в Англию, когда Флоренс и Анри познакомились. Потом вышла ссора: Пикар с горячностью утверждал, что англичанкам недостает шика. Анри понимал, что оскорбление адресовано ему. Пикар считал, что англичанки не умеют одеваться. Что они едят как свиньи из лохани. Что они готовы лечь с первым встречным за пару франков или за пинту их отвратительного пива.

Лишь через пару недель стало ясно: желчность Пикара никак не связана с Флоренс, а вызвана обидой, что товарищ по Кадр-Нуар обскакал его. И не просто товарищ, а сын фермера. Однако это вовсе не упрощало дела.

– Говорят, неподалеку от набережной Люсьена Готье есть комнаты. – Громкий голос Пикара разнесся эхом по всему двору. – Немного удобнее, чем в конюшне, n'est-ce pas?¹

Анри сжал руку Флоренс.

– Даже если ты, Пикар, останешься последним мужчиной на земле, – по возможности спокойным тоном ответил Анри, – все равно она будет слишком хороша для тебя.

– Тебе, вероятно, невдомек, деревенщина, что любая шлюха пойдет с тобой, если предложишь сходную цену. – Пикар ухмыльнулся, вставил безукоризненно начищенный сапог в стремя и вскочил на лошадь.

Анри подался вперед, но Флоренс остановила его:

– Любимый, мне пора занять свое место. – Она попятилась. – Тебе нужно подготовиться.

Она чуть замешкалась, потом встала на цыпочки и снова поцеловала его, притянув за шею тонкой белой рукой. Он понимал, для чего она это делает: хотела отвлечь его от оскорбления, нанесенного Пикаром. Она была права. Когда твоих губ касаются губы Флоренс, нельзя чувствовать ничего, кроме радости.

– Bonne chance, écuier², – улыбнулась она.

– Écuier! – повторил он, сразу позабыв обо всех обидах, растроганный, что она сама выучила, как сказать по-французски «наездник».

– Учусь! – Она послала воздушный поцелуй, в ее глазах заплясали многообещающие чертики.

И она умчалась, его англичанка, стуча каблучками по булыжнику, вдоль длинных рядов стойл.

На Карусели – ежегодном военном фестивале – традиционно отмечалось окончание курса подготовки молодых кавалеристов Сомюра. Как обычно, в выходные дни в июле средневековый город наводняли гости, которых привлекал не только выпускной молодых кавалеристов, но и традиционное представление наездников, трюки мотоциклистов и парад танков, на огромных корпусах которых были видны шрамы, полученные во время войны.

Шел 1960 год. Старая гвардия пасовала под напором поп-культуры, изменения мировоззрения и Джонни Холлидея, но Сомюр не спешил меняться. Главным событием Карусели было ежегодное представление, в котором участвовало двадцать два элитарных французских берейтора, как военных, так и гражданских, составляющих Кадр-Нуар. Это всегда гарантировало,

---

¹ Не так ли? (фр.) – Здесь и далее примеч. перев.

² Удачи, наездник (фр.).

что за пару дней билеты будут раскуплены как местными жителями, проникнутыми чувством пиетета к наследию Франции, так и менее интеллектуальными согражданами, которых заинтриговали афиши по всему региону Луары, обещающие «величие, непостижимость лошадей, которые бросают вызов силе притяжения».

Кадр-Нуар появилась почти двести пятьдесят лет тому назад, после истребления французской кавалерии в ходе Наполеоновских войн. В попытке воссоздать некогда великолепные корпуса школа открылась в Сомюре, где с XVI века существовала кавалерийская академия. Сюда были собраны инструкторы из лучших школ Версаля, Тюильри и Сен-Жермена, призванные передать традиции верховой академической езды новым поколениям офицеров. И эта традиция сохраняется по сей день.

С наступлением эпохи танков и механизации военного дела возник вопрос о целесообразности существования такой загадочной организации, как Кадр-Нуар. Но годы шли, ни у одного правительства не хватило духу расформировать школу, ставшую к тому времени частью французской национальной культуры. Наездники в черной форме стали символом, а Франция с ее «Комеди Франсез», *haute cuisine* и *couture*³ понимала значимость традиций. Сами же кавалеристы, возможно чувствуя, что лучшим способом выжить будет создание новой для себя роли, расширили круг своих обязанностей: помимо обучения кавалеристов, школа стала устраивать представления для публики во Франции и в других странах, демонстрируя редкостную выучку и великолепных лошадей.

В этой-то школе и оказался Анри Лашапель. Сегодняшнее представление было самым важным для него событием года. Выдался шанс продемонстрировать друзьям и родственникам с таким трудом приобретенные умения. Воздух пропитался запахом карамели, вина и хлопушек, а также теплом тысяч медленнодвигающихся тел. Толпы людей уже начали собираться на плацу Шардоне, сердце *École de Cavalerie*⁴, окруженном элегантными зданиями. Атмосферу карнавала усиливала июльская жара, безветренный вечер и заразительное чувство предвкушения. Туда-сюда бегали дети с воздушными шариками или сахарной ватой на палочках. Их родители влились в толпу, изучающую лотки, с которых торговали бумажными вертушками и игристыми винами, или просто прохаживались оживленными группками через большой мост на северную сторону, где располагались открытые кафе. Тем временем зрители, которые уже занимали свои места вокруг большого манежа – огромной, посыпанной песком арены – и еще недавно возбужденно переговаривались, теперь изнывали от нетерпения, обмахиваясь и истекая потом в сгущающихся сумерках.

– Attends!

Услышав команду «Готовься!», Анри проверил седло и уздечку и в пятнадцатый раз спросил у *dresseur*⁵, хорошо ли оправлена у него форма. Потом потер нос своего коня Геронтия, нашептывая слова похвалы и ободрения в изящно стриженные уши, любясь косичками с тонкими лентами на лоснящейся шее. Геронтию исполнилось семнадцать, он был староват по меркам академии, и в скором времени ему предстоял выход на пенсию. Его дали Анри, когда тот только поступил в Кадр-Нуар три года назад, и с первой секунды между ними установилась прочная связь. Здесь, в стенах старинной школы, молодые люди, целующие своего коня в нос или нашептывающие нежности, которыми постеснялись бы наградить девушку, мало кого удивляли.

– Vous êtes prêt?⁶ – Le Grand Dieu⁷, главный берейтор, направился к центру тренировочной арены, сопровождаемый *écuyers*.

³ Высокая кухня и высокая мода (*фр.*).

⁴ Школа кавалерии (*фр.*).

⁵ Здесь: инструктор (*фр.*).

⁶ Вы готовы? (*фр.*)

Расшитая золотом форма и треуголка отличали его как самого старшего по положению в школе. Он остановился перед молодыми всадниками, чьи кони нетерпеливо переступали с ноги на ногу.

– Как вам известно, это самое важное событие года. Церемония существует более ста тридцати лет, а традиции нашей школы были заложены намного раньше, еще во времена древнегреческого полководца Ксенофонта. Много в нашем мире, похоже, ждет перемен, нуждается в отказе от старого в угоду доступному или простому. Мы в Кадр-Нуар верим, что есть место для элитарного, непревзойденного мастерства. Сегодня вы выступаете в роли послов, которые продемонстрируют, что истинная грация, истинная красота достижимы только дисциплиной, терпением, пониманием и самоотдачей. – Он обвел взглядом окружающих. – Наше искусство погибает в тот же миг, когда рождается. Так подарим жителям Сомюра возможность почувствовать свою исключительность благодаря этому зрелищу.

Послышался одобрительный гул, затем всадники стали оседлывать лошадей. Некоторые теребили свои фуражки, иные стирали несуществующие пятна на сапогах – все это свидетельствовало о нарастающем волнении.

– Лашапель, готовы? Не слишком нервничаете?

– Нет, месье. – Анри стоял навытяжку.

Взгляд старшего по положению скользил по его форме, придирчиво выискивая малейшие огрехи. Тайное волнение Анри все же выдавал пот, стекающий с висков на жесткий стоячий воротничок.

– Нет ничего постыдного, если кто-то ощущает немного адреналина перед первой в жизни Каруселью. – Главный берейтор погладил Геронтия по шее. – Я знаю, чего ты стоишь. Итак, выполняете каприоль во второй команде. Потом на Фантоме выполните крупаду. D'accord?⁷

– Да, месье.

Он знал, что старшие берейторы сомневались, стоит ли доверять ему такую заметную роль в ежегодном выступлении. Всею виной его поведение в последние месяцы: ссоры, намеренное и серьезное нарушение дисциплины. Конюх пересказал ему разговоры в кладовой: его бунтарство едва не привело к исключению из Кадр-Нуар.

Оправдаться Анри не пытался. Как бы он объяснил, что внутри его все перевернулось? Как бы он рассказал им, что для человека, который ни разу не слышал доброго слова, не знал ласки, голос любимой девушки, ее забота, ее груди, ее аромат и волосы сбили его с толку, стали наваждением еще более сильным, чем научный трактат о тонкостях искусства верховой езды?

Из-за отца-тирана детство Анри Лашапеля прошло в атмосфере хаоса и беспорядка. Верхом роскоши тогда была бутылка вина за два франка. Любое стремление к знаниям осмеивалось. Поступление в кавалерию указало ему жизненный путь, а продвижение по службе и рекомендация на престижное место в Кадр-Нуар мнились пределом мечтаний. В двадцать пять он впервые почувствовал себя на своем месте.

Он был необыкновенно одарен, а годы на ферме наградили его редкостным трудолюбием. Ему нравилось иметь дело с трудными лошадьми. Поговаривали, что со временем он мог бы стать старшим берейтором, а некоторые и вовсе считали, что из него выйдет новый Grand Dieu. Он не сомневался, что до конца дней ему будут необходимы лишь строгость, дисциплина, удовольствие от учебы и ее плоды.

А потом появилась Флоренс Джекобс из Клеркенвелла. Она даже не интересовалась лошадьми, а случайно попала по лишнему билету на выступление французской школы верхо-

---

⁷ Главный Бог (*фр.*). «...Командующего корпусом берейторов всегда называли Главный Бог, потому что он руководил теми, о которых все говорили, что они ездят как боги...» Из фольклора Кадр-Нуар.

⁸ Договорились? (*фр.*)

вой езды. И разрушила все: его душевное спокойствие, решимость, терпение. Позднее, глядя на эти события с высоты полученного опыта, он мог бы сказать себе тогдашнему, молодому, что подобную страсть испытывают, только когда влюбляются впервые, что такие бурные чувства со временем остывают и даже сходят на нет. Но Анри, одинокий человек, у которого практически не было друзей, способных дать столь мудрый совет, знал одно: с той минуты, когда он заметил темноволосую девушку, взирающую на арену распахнутыми глазами три вечера подряд, он не мог ни о чем думать, кроме нее. Он представился, сам не понимая, зачем разыскал ее после выступления, и после этого каждая минута его жизни, проведенная без нее, раздражала его или, того хуже, казалась бесконечной и бессмысленной пропастью. И что из этого вышло?

Он тотчас потерял способность сосредоточиться. После возвращения во Францию начал подвергать сомнению прежде незыблемые истины, его раздражала любая мелочь, которую он считал незначительной. Обвинил Дево, одного из старших берейторов, в том, что тот «застрял в прошлом». Только прогуляв три тренировки подряд, после чего конюх предупредил Анри, что его отчислят, он понял: необходимо собраться. Он изучал труды Ксенофонта, заставлял себя усиленно работать. Не совал свой нос куда не следует. Его поддерживали все более частые письма Флоренс, обещание приехать к нему летом. И спустя несколько месяцев, возможно как вознаграждение, ему дают главную роль на Карусели – исполнить крупаду, одну из самых трудных фигур в верховой езде. Назначили его вместо Пикара, что стало последней каплей для этого заносчивого молодого человека, который и без того считал себя ущемленным.

Grand Dieu оседлал свою лошадь, крепкого португальского жеребца, и подъехал к Анри: – Не подведите меня, Лашапелъ. Начнем с этого вечера новый отсчет.

Анри кивнул, от внезапно охватившего его волнения потеряв дар речи. Он оседлал своего коня, сжал уздечку, проверил, ровно ли сидит на голове черная фуражка. Доносился приглушенный гул толпы; потом заиграл оркестр, и тысячи зрителей затаили дыхание в предвкушении. Он слышал, как его собратья прошептали: «Удачи!» – и направил Геронтю на свое место, в центр точно выверенной шеренги лоснящихся, украшенных лентами лошадей. Его конь радостно ждал первых команд. Раздвинулся тяжелый красный занавес, и они оказались на освещенной прожекторами арене.

Повседневная жизнь Кадр-Нуар была далеко не так спокойна и выверена, как отрепетированный выезд двадцати двух наездников на публичные выступления. Она скорее изматывала как физически, так и интеллектуально. Каждый день Анри Лашапелъ чувствовал себя изнуренным. Его почти до слез доводили бесконечные придирки старших берейторов, неспособность заставить нервных лошадей идеально брать препятствия. Он чувствовал, хотя не мог этого доказать, что к подобным ему, попавшим в элитную школу из армии, относились с предубеждением. В отличие от гражданских, победивших на спортивных соревнованиях по верховой езде представителей высших классов французского общества, у которых всегда были привилегии в выборе лошадей и неограниченное время для оттачивания мастерства. В теории все в Кадр-Нуар были равны, отличия создавало только мастерство. Но Анри понимал, что на самом деле равенство ограничивалось их суконной униформой.

Медленно, но верно, трудясь с шести утра до позднего вечера, батрак с фермы в Туре заслужил репутацию человека работоспособного и умеющего найти подход к самым непослушным лошадям. Старшие берейторы, наблюдая за Анри Лашапелем из-под козырьков черных фуражек, замечали, что он умел укротить лошадь. Он был *sympathique*⁹. Поэтому, помимо любимого Геронтю, ему был поручен Фантом, взрывной серо-стальной жеребец, почти неуправляемый. Всю неделю Анри раздумывал, не взять ли на эту роль Фантома. Но сейчас, когда взгляды публики были прикованы к нему, слушая прекрасные звуки скрипок,

⁹ Тонко чувствующий (*фр.*).

чувствуя ровный ход Геронтия, он вдруг и в самом деле ощутил себя, говоря словами Ксенофонта, «человеком с крыльями». Он чувствовал на себе восхищенный взгляд Флоренс и знал, что позже прикоснется губами к ее коже, и гарцевал еще искуснее, еще элегантнее. Только конь-ветеран был способен дать такую легкость; от удовольствия он прыдал ушами. Вот для чего я создан, подумал Анри с благодарностью. Все, что мне нужно, – здесь. Он видел огни факелов, мерцающие на древних колоннах, слышал глухое постукивание копыт лошадей, которые то медленно сходились, то расходились вокруг него. Он пустил коня легким галопом, чтобы занять место в строю по периметру большого манежа, и на миг позабыл обо всем, кроме Геронтия под собой, который так красиво двигался, так грациозно перебирал копытами, что Анри едва удерживался от смеха. Старый конь красовался.

– Лашапель, выпрямись! Сидишь в седле как крестьянин.

Анри прищурился и увидел Пикара, который сначала поравнялся с ним, а затем обогнал, едва не задев плечом.

– Что ты так ерзаешь? – прошипел тот едва слышно. – Твоя шлюшка наградила тебя чесоткой?

Анри хотел ответить, но Grand Dieu скомандовал: «Левада!» – и шеренга наездников подняла коней на дыбы. Раздались бурные аплодисменты.

Когда передние ноги лошадей вновь коснулись земли, Пикар отвернулся. Однако его голос был отлично слышен.

– Трахается она тоже как крестьянка?

Анри закусил губу, стараясь не терять хладнокровия. Он не хотел, чтобы его гнев передался добродушному коню. Он слышал, как диктор пояснял технические детали движений ездоков, и пытался собраться с мыслями, сосредоточиться. Еле слышно он повторил слова Ксенофонта: «Гнев подрывает эффективное общение с лошадыю». Он не позволит Пикару испортить ему вечер.

– А сейчас, дамы и господа, вы увидите, как месье де Кардон исполнит леваду в центре арены. Обратите внимание, как лошадь сохраняет равновесие, опираясь на задние ноги, согнутые под углом точно в сорок пять градусов.

Краем глаза Анри заметил, как откуда-то сзади появилась черная лошадь, и услышал взрыв аплодисментов. Он заставил себя сосредоточиться, чтобы удерживать внимание Геронтия. Но он не мог забыть лицо Флоренс в тот миг, когда Пикар выкрикивал оскорбления, проезжая мимо нее, как она встревожилась. А что, если она понимает по-французски лучше, чем показывает?

– А сейчас вы увидите Геронтия, из наших самых старых коней, который исполнит каприоль. Это наисложнейшая фигура как для лошади, так и для наездника. Лошадь подпрыгивает, вытягивая в прыжке задние ноги.

Анри осадил Геронтия, потягивая уздечку и слегка прищипывая. Он почувствовал, как лошадь начала раскачиваться под ним, выполняя тер-а-тер и переходя на галоп. Я им покажу, подумал он. А потом: я ему покажу.

Все остальное исчезло. Был только он и под ним старый бравый конь, набирающий скорость. Потом с криком «Derrière!»¹⁰ он хлестнул хлыстом коня по крупу и впился шпорами ему в живот. Геронтий прыгнул, вытянув задние ноги горизонтально земле. Анри ослепили вспышки фотоаппаратов. Трибуны вскрикнули в восторге «О-о-о!» и разразились аплодисментами. Легким галопом он направился в сторону красного занавеса, бросив по пути взгляд на Флоренс: она вскочила с места и аплодировала ему, на ее лице сияла гордая улыбка.

– Bon! C’était bon!¹¹

---

¹⁰ Здесь и далее эта команда означает, что лошадь должна поднять круп.

¹¹ Хорошо! Очень хорошо! (фр.)

Он спешил, погладил Геронтия по спине и последовал за инструктором. До него доносились одобрительные возгласы, потом темп музыки на арене сменился. Выглянув из-за красного занавеса, Анри увидел, как два других берейтора выполняли фигуры, управляя лошадьми с помощью двух длинных поводьев.

– Фантом очень нервничает. – Появившийся конюх озабоченно нахмурил черные брови. Он пожурил серого коня, кружившего возле них. – Анри, следи за ним.

– Все будет хорошо, – рассеянно пообещал Анри, приподнимая фуражку и утирая пот со лба.

Конюх передал поводья ждущим наездникам, затем повернулся к Анри и бережно снял с него фуражку. Эта фигура выполнялась без головного убора, дабы исключить возможность, что фуражка случайно съедет и все испортит, и от этого Анри всегда чувствовал себя странным образом незащищенным.

Он смотрел, как стального цвета лошадь ринулась на арену, на шее уже выступил темный пот, двое мужчин едва удерживали ее.

– Давай. Пора. Сейчас. – Инструктор похлопал его по спине и вытолкнул на арену.

Три берейтора стояли рядом с лошадью, двое у холки, один сзади.

Анри вышел на залитую ярким светом арену и вдруг пожалел, что у него нет никакой опоры.

– Bonne chance! – услышал он голос конюха, потом его заглушили аплодисменты.

– Дамы и господа, сейчас будет выполнена крупая – фигура, родившаяся в кавалерии в восемнадцатом веке и считавшаяся проверкой способности наездника оставаться в седле. Месье Лашапель поедет на Фантоме без уздечки и стремян. Этот элемент, восходящий к временам античной Греции, является в большей степени испытанием для наездника, чем для лошади. Можно сказать, это более элегантная версия родео.

Послышался смех. Полуослепленный прожекторами, Анри взглянул на Фантома: тот закатывал глаза, побелевшие от нетерпения и еле сдерживаемой ярости. От природы обладая способностями к акробатике, конь не переносил, когда его силой сдерживали в холке. Шум и запахи Карусели только обострили его норы.

– Ш-ш-ш, – прошептал Анри, похлопав по напряженной спине коня. – Все хорошо. Все в порядке.

Он видел, как улыбаются Дюшан и Варжюс, стоящие у холки лошади. Эти опытные наездники были готовы отреагировать на непредсказуемую перемену в настроении животного.

– Держись крепче, дружище. – Варжюс улыбнулся, когда подсаживал его. – Un, deux, trois...¹² Но!..

Лошадь была крайне напряжена. Это хорошо, сказал Анри сам себе, выпрямляясь в седле. Адреналин будет способствовать успеху. Публике должно понравиться, и Grand Dieu тоже. Анри с трудом сделал глубокий вдох. И только смиренно скрестив руки за спиной, как того требовала традиция (он всегда чувствовал себя при этом плененным, что было крайне неприятно), Анри понял, кто располагался позади Фантома.

– Посмотрим, какой из тебя наездник, Лашапель, – сказал Пикар.

Времени для ответа не было. Анри вытянул ноги на всю длину, сцепил руки в перчатках за спиной. Слышал, что диктор сказал что-то еще, и почувствовал нарастающее нетерпение на арене.

– Attends!

Варжюс оглянулся. Лошадь пошла в галоп.

– Un, deux, derrière!

---

¹² Раз, два, три... (фр.)

Анри чувствовал, как лошадь набирала скорость, слышал, как Пикар ударил хлыстом. Фантом подбросил круп; Анри кинуло вперед, и он едва не расцепил руки за спиной. Лошадь успокоилась, и раздалась аплодисменты.

– Неплохо, Лашапель, – услышал он шепот Варжюса, когда тот удерживал Фантома за грудь.

А потом, прежде чем он успел подготовиться, снова раздалась команда «Derrière!». Фантом отбил задними ногами, Анри подбросило вверх и вперед, он с трудом удержался в седле, руки разомкнулись и повисли вдоль туловища.

– Пикар, не так скоро. Ты выбиваешь его из седла, – донесся до Анри раздраженный голос Варжюса.

Потеряв ориентацию, Анри чувствовал, как напряглась спина лошади под ним, слышал едва сдерживаемое ржание коня.

– Две секунды, – прошептал он, пытаясь удержаться в седле. – Дай мне две секунды.

Но тут раздался новый удар хлыстом – сильный, сверху. Конь взбрыкнул, и всадника снова подбросило вверх и вперед. И едва не вышвырнуло из седла.

Разгневанный Фантом прыгнул в сторону, берейторы с трудом удерживали его голову. Варжюс что-то пробормотал в досаде, но Анри не разобрал слов. Они оказались у красного занавеса. Он увидел Флоренс, в желтом платье, заметил растерянность и беспокойство на ее лице. А потом: «Enfin! Derrière!» Он еще не собрался с духом, а сзади уже раздался еще один громкий удар. Его снова бросило вперед, спину скрутило. Фантом, разъяренный ударом хлыста, рванул вперед и в сторону, и в этот момент Анри все же потерял равновесие. Он обхватил шею лошади, украшенную косичками, полетел вверх тормашками, уцепился за холку, и тут Фантом снова поднял круп. Анри упал на землю, зрители дружно ахнули.

Анри лежал на песке, смутно осознавая поднявшуюся на арене суматоху. Варжюс ругался, Пикар возмущался, диктор смеялся. Анри приподнял голову и услышал:

– Вот чем все закончилось. При выполнении этой фигуры трудно удержаться в седле. В следующий раз повезет больше, месье Лашапель. Как вы видите, дамы и господа, зачастую требуются годы тренировки, чтобы достигнуть высочайшего уровня старших берейторов.

Рядом раздалось «un, deux, trois» и злой шепот Варжюса:

– Садись, садись снова на лошадь.

Анри оглядел себя: его безупречная черная форма оказалась вся в песке. Он вскочил в седло, вытянул руки вниз, и они шагом отправились прочь с арены под сочувственные аплодисменты трибун. Эти звуки принесли ему неведомую прежде боль.

Он оцепенел от шока. Впереди Варжюс и Пикар о чем-то спорили приглушенными голосами, но он не мог разобрать слов, так как кровь ударила ему в голову и у него заложило уши.

– В чем дело? – Варжюс покачал головой. – Никто еще не падал с лошади, исполняя крупаду. Из-за тебя мы попали в глупое положение.

Анри не сразу сообразил, что Варжюс обращался к Пикару.

– Я-то в чем виноват, если Лашапель способен оседлать только английскую потаскуху?

Анри спешился и пошел в сторону Пикара. У него звенело в ушах. Он даже не понял, как нанес первый удар, только услышал, как его кулак врезался в челюсть противника. По хрусту он с удовлетворением понял: что-то сломалось. Потом пришла боль и промелькнула мысль, что это может быть его рука. Лошади заржали и бросились врассыпную. Люди закричали. Пикар лежал на песке, прикрыв лицо ладонью, с круглыми от изумления глазами. Затем с трудом встал на ноги, бросился на Анри и ударил его головой в грудь. Анри задохнулся. Удар мог бы свалить с ног и более крупного мужчину, а Анри был всего метр семьдесят ростом. Но ему приходилось часто драться в детстве, к тому же он шесть лет прослужил в Национальной гвардии. Через несколько мгновений он уже сидел на Пикаре, осыпая ударами лицо, щеки и грудь более молодого противника, вкладывая в удары всю свою ярость, которую копил несколько месяцев.

Кулаки наткнулись на что-то твердое и жесткое. Сильный удар пришелся ему в левый глаз, и он перестал видеть. Во рту был песок. Потом чьи-то руки стали его оттаскивать, бить. Звучали возбужденные, возмущенные голоса.

– Пикар! Лашапель!

Зрение вернулось к нему, и он поднялся, сплевывая и шатаясь. Скрестил руки на груди. Из-за занавеса доносилось струнное адажио. Перед ним стоял Le Grand Dieu с побагровевшим от гнева лицом:

– Что здесь, черт возьми, происходит?

Анри покачал головой, заметил мелкие брызги крови.

– Месье...

Он тяжело дышал. Только сейчас он начал осознавать масштаб своей ошибки.

– Карусель! – возмущенно выговаривал Le Grand Dieu. – Пример грации и достоинства! Дисциплины! Где ваша выдержка? Вы оба нас опозорили. Отправляйтесь в конюшни. Мне надо закончить представление.

Он вскочил на своего коня. Мимо, пошатываясь и прижимая носовой платок к мертвенно-бледному лицу, прошел Пикар. Анри проводил его взглядом. Вдруг до него дошло, что на арене за занавесом наступила странная тишина. К своему ужасу, он понял, что они все видели. Они знали.

– Есть два пути, – произнес Le Grand Dieu, сидя на своем португальском скакуне. – Два пути, Лашапель. Я вас предупреждал. Вы сделали свой выбор.

– Я не могу... – начал он.

Но Le Grand Dieu уже въезжал на залитую светом арену.

Глава 1

Лошадь, встающая на дыбы, представляет собой такое чудесное зрелище, что зрители, ни млад, ни стар, не могут оторвать от нее глаз.
Ксенофонт. Об искусстве верховой езды. 350 г. до н. э.

Август

Поезд в 6:47 до Ливерпуль-стрит был переполнен. Странно, что в столь ранний час уже такая давка. Наташа Макколи едва нашла свободное место. Несмотря на утреннюю прохладу, ей было жарко. Она пробормотала извинения женщине, которой пришлось подобрать полы жакета, чтобы Наташа смогла сесть. Мужчина в костюме, который вошел следом за ней, втиснулся между пассажирами напротив и раскрыл газету, не обращая внимания, что загородил свет женщине, читавшей книгу в мягкой обложке.

Наташа не всегда ездила на работу этим маршрутом, но после юридического семинара ей пришлось заночевать в гостинице в Кембридже. В кармане жакета приятным грузом лежала внушительная пачка визиток солиситоров и барристеров¹³. Они поздравляли ее с отличным выступлением, говорили, что будут рады встретиться снова, некоторые предлагали работу. Но от дешевого белого вина, которое лилось рекой, у нее урчало в животе, и она на миг пожалела, что не нашла времени позавтракать. Обычно Наташа не пила, и ей трудно было следить за тем, сколько она выпивает на вечеринках, если ее бокал постоянно наполняют, пока она увлечена беседой.

Зажав в руке пластиковый стаканчик с горячим кофе, Наташа открыла ежедневник, дав себе обещание выкроить сегодня чуть больше свободного времени, чтобы прочистить мозги. Обычно на это ей выпадало не более получаса, но теперь она найдет час, чтобы сходить в спортзал. «Позаботиться о себе», как велела мама.

Пока что в ежедневнике было записано:

- * 9:00 ЛА против Сантоса, зал суда 7.
- * Развод Перси. Оценка психического состояния ребенка?
- * Гонорар! Спросить у Линды о состоянии юридической помощи.
- * Филдинг – где отчет свидетельских показаний? Необходимо отослать факсом сегодня.

На каждой странице был жесткий, не единожды переписанный список дел по крайней мере на ближайшие две недели. Почти все ее коллеги в «Дэвисон и Бриско» перешли на электронные устройства – электронные записные книжки и приспособления для электронной почты от «Блэкберри», она же предпочитала просто ручку и бумагу. Хотя Линда жаловалась, что не может расшифровать ее каракули.

Наташа отпила кофе, посмотрела на дату, поморщилась и добавила:

- * Цветы, извинения, мамин день рождения.

Поезд приближался к Лондону, равнины Кембриджшира сменялись серыми промышленными городскими окраинами. Наташа смотрела на записи, пытаясь сосредоточиться. Напротив сидела женщина, которая, видимо, считала в порядке вещей есть на завтрак гамбургер с двойным сыром, и подросток, чье отсутствующее выражение лица не вязалось с тяжелым ритмом из его наушников. День обещал выдаться безжалостно жарким: зной проникал в набитый до отказа вагон, передавался и усиливался телами пассажиров.

---

¹³ *Солиситор* – категория адвокатов в Великобритании, ведущих подготовку судебных материалов для барристеров – адвокатов высшего ранга.

Наташа прикрыла глаза. Если бы она могла спать в поездах. Зазвонил мобильный. Она подняла веки, порылась в сумочке и нащупала телефон между косметичкой и бумажником. Пришла эсэмэска.

Местные власти в деле Уотсона сдались. Идти в суд в 9:00 не надо. Бен.

В последние четыре года Наташа была единственным адвокатом-солиситором в фирме «Дэвисон и Бриско», гибридом солиситора и барристера, что оказалось полезным, когда это касалось ее специализации – представление в суде детей. Рядом с женщиной, с которой дети провели не один час в кабинете, они не так нервничали в суде. Наташе, со своей стороны, нравилось налаживать отношения с клиентами и поддерживать состязательный дух в работе.

Спасибо. Буду в офисе через полчаса, вздохнув с облегчением, написала она. Потом выругалась про себя: зря пропустила завтрак.

Она уже собиралась убрать телефон, когда он зазвонил снова. Это оказался Бен, ее стажер.

– Просто хотел вам напомнить, что мы перенесли встречу с пакистанской девочкой на десять тридцать.

– С той, чьи родители спорят по поводу опеки?

Женщина рядом многозначительно кашлянула. Наташа подняла голову и заметила на стекле надпись: «Мобильные телефоны запрещены». Она опустила голову и стала лихорадочно перелистывать страницы своего ежедневника.

– В два у нас также встреча с родителями по делу о похищении ребенка, – прошептала она. – Можешь подготовить документы?

– Уже подготовил. А еще у меня есть круассаны, – прибавил Бен. – Уверен, вы ничего еще не ели.

Для нее это обычное дело. Она подозревала, что, если бы в «Дэвисон и Бриско» отказались от стажеров, она могла бы умереть голодной смертью.

– С миндалем. Как вы любите.

– Бен, подбострастие тебе не поможет.

Наташа закрыла телефон, а потом сумочку. Она доставала из портфеля документы по делу девочки, когда снова раздался звонок. Вокруг недовольно заворчали. Она извинилась, не глядя никому в глаза:

– Наташа Макколи.

– Это Линда. Только что звонил Майкл Харрингтон. Он согласился выступить вместе с тобой в деле о разводе Перси.

– Отлично!

Этот развод предполагал крупные денежные суммы и запутанные условия опекуинства. Ей был нужен опытный барристер, который бы взял на себя финансовые вопросы.

– Он хочет обсудить с тобой кое-что сегодня во второй половине дня. Ты свободна в два?

– Да, подходит. – Наташа вспомнила, что убрала ежедневник в портфель. – Ой, постой, что-то у меня на это время назначено.

Женщина похлопала ее по плечу. Наташа прикрыла микрофон рукой.

– Две секунды, – сказала она более резко, чем намеревалась. – Я знаю, что в этом вагоне запрещено пользоваться мобильным телефоном. Простите, но мне необходимо закончить разговор.

Она прижала телефон плечом к уху и попыталась отыскать ежедневник. Раздраженно обернулась, когда женщина снова похлопала ее по плечу.

– Я же сказала, всего....

– Вы пролили кофе на мой жакет.

Наташа посмотрела вниз и увидела, что ее стаканчик угрожающе навис над кромкой кремового жакета.

– Простите. – Она убрала стаканчик. – Линда, можно поменять расписание на сегодня? Мне необходим перерыв.

– Ба!

Когда она захлопывала телефон, кудахтанье секретарши стояло у нее в ушах. Она вычеркнула появление в суде, добавила встречу и уже собиралась убрать ежедневник назад в портфель, когда ее внимание привлек газетный заголовок.

Она подалась вперед, пытаясь удостовериться, что правильно прочитала имя в первом абзаце. Она нагнулась так близко, что мужчина, читающий газету, опустил ее и недовольно нахмурился.

– Можно мне вашу газету на минуту?

Просьба прозвучала столь неожиданно, что он не смог отказать. Она взяла газету в руки, перегнула страницу и прочитала статью дважды. Потом вернула издание владельцу и тихо сказала:

– Спасибо.

Подросток, сидящий рядом, ухмыльнулся. Он не мог поверить, что люди способны вот так нарушить общепринятые правила.

Сара дважды разрежала сэндвичи по диагонали и аккуратно завернула четвертинки в пергаментную бумагу. Один сверток положила в холодильник, второй – в свою сумку, вместе с двумя яблоками. Протерла столешницу влажной тряпкой и осмотрела маленькую кухню на предмет наличия крошек, потом выключила радио. Папá терпеть не мог крошек.

Где-то внизу тележка молочника просигналила, что уезжает со двора. Однажды его тележку угнали, пока он был на пятом этаже, и с тех пор он больше не разносил молоко по этажам. Бутылки для пожилых дам он по-прежнему оставлял под навесом дома напротив, прочим приходилось ходить в супермаркет и везти литровые бутылки в переполненных автобусах или тащить в тяжелых хозяйственных сумках. Если Сара успевала вовремя спуститься, он разрешал ей купить молоко. Как правило, ей это удавалось.

Она посмотрела на часы, проверила бумажный фильтр: вся ли темно-коричневая жидкость просочилась. Каждую неделю она говорила Папá, что настоящий кофе стоит намного дороже, чем растворимый. Он пожимал плечами и отвечал, что есть вещи, на которых не стоит экономить. Она обтерла тряпкой дно кружки и по узкому коридору прошла в его комнату.

– Папá? – Она давно перестала звать его дедушкой.

Сара открыла дверь плечом. Маленькую комнату заливал утренний солнечный свет, и можно было представить, что за окном нечто красивое, пляж или сад. На самом деле за окном был выпцветший жилой массив постройки 1960-х в Восточном Лондоне. Напротив кровати – полированное бюро. Щетки для волос и одежды аккуратно разложены под фотографией Нанá. После ее смерти он поставил односпальную кровать. Так просторнее, сказал он. Она знала, что ему было невыносимо одиноко на широкой кровати без ее бабушки.

– Кофе.

– Уходишь? – Старик сел в кровати, нащупывая очки на прикроватной тумбочке. – Который час?

– Начало седьмого.

Он взял часы, прищурился. Мужчина, на котором обычная одежда сидела как униформа, в пижаме выглядел странно беззащитным. Он всегда был одет подобающе.

– Успеешь на шесть десять?

– Если бегом. Сэндвичи в холодильнике.

- Скажи безумному ковбою, я рассчитаюсь с ним сегодня.
- Я ему уже сказала вчера, Папá. Все в порядке.
- И пусть соберет яйца. Завтра они нам пригодятся.

Сара успела на автобус, но только потому, что тот на минуту опоздал. Тяжело дыша, она вошла в салон, увесистая сумка оттягивала плечо. Показала карточку, села, кивнула индианке с ведром и шваброй, которая каждый день оказывалась на сиденье напротив.

- Красиво, – сказала женщина, когда они проезжали мимо букмекерской конторы.

Сара оглянулась на убогие улицы, освещенные неярким утренним светом.

- Будет красиво, – заключила она.
- Ты упаришься в этих сапогах, – заметила индианка.
- У меня есть запасные. – Сара похлопала по сумке.

Они смущенно улыбнулись, испугавшись, что вдруг разговорились после стольких месяцев молчания. Сара устроилась поудобнее и стала смотреть в окно.

Дорога до «Ковбой Джона» занимала семнадцать минут или в три раза дольше, когда на востоке по пути в Сити образовывались заторы. Обычно она приезжала раньше Джона и была единственным человеком, кому он доверял запасные ключи. Как правило, Сара выпускала кур к тому времени, когда он, медленно шагая на негнущихся ногах, появлялся на дороге. Часто можно было услышать, как он пел.

Когда Сара возилась с замком на воротах, залаяла Шеба, немецкая овчарка. Узнав Сару, собака села и стала бить хвостом в ожидании. Сара бросила ей угощение и прошла на маленький двор, захлопнув за собой калитку.

Когда-то в этой части Лондона было множество конных дворов, располагавшихся в конце узких, мощенных булыжником улиц, за амбарными дверями, под арками. Лошади возили подводы с пивом, телеги с углем и старьем. Никто не удивлялся, увидев в субботний вечер верховую лошадь – любимицу семьи или пару рысаков на прогулке в парке. «Ковбой Джон» был одним из конных дворов, уцелевших до настоящего времени. Он располагался в конце узкого переулочка, выходящего на центральную улицу, под четырьмя железнодорожными арками, и вмещал три или четыре конюшни со стойлами. Перед арками находился окруженный стеной двор, мощный булыжником. Во дворе были сложены штабеля поддонов, клетки для кур, ведра, пара контейнеров для мусора и всякая всячина, которой торговал Ковбой Джон. Была там еще жаровня, в ней всегда горел огонь. Приблизительно каждые двадцать минут над головой с грохотом проносился пригородный поезд, но ни люди, ни животные не обращали на это внимания. Куры клевали, коза жевала что-нибудь, явно для этого не предназначенное, а Шеба лениво смотрела на мир за воротами своими янтарными глазами, готовая облаять любого, кто не числился в ее списке.

В настоящее время в конюшне на постоянном содержании было двенадцать лошадей. Среди них числились близнецы клейдесдальской породы, принадлежавшие ломовому извозчику на пенсии Тони, рысаки с изящными шеями и дикими глазами – собственность Мальтийца Саля и его букмекерской конторы, а также целый выводок неряшливых пони, чьими хозяевами были местные ребята. Сара даже не могла сказать, сколько людей знают об их существовании. Сторож в парке знает: он регулярно выгонял их с общественной территории, и еще они получали письма, адресованные «владельцам лошадей в арках Спеапенни-лейн» и содержащие угрозы подать в суд, если они будут продолжать нарушать закон. Ковбой Джон смеялся и выбрасывал письма в жаровню, протяжно приговаривая: «Насколько мне известно, лошади здесь появились первыми».

Он утверждал, что является членом «Черных ковбоев Филадельфии». Это были не настоящие ковбои, то есть, по крайней мере, они не занимались скотоводством на ранчо. Он говорил, что в Америке есть городские конные дворы вроде этого, только больше. Там можно содержать

и тренировать своих животных, туда приходят дети, чтобы учиться. Так они не будут обречены на жизнь как в гетто. Он приехал в Лондон в шестидесятых, вслед за женщиной, с которой, как оказалось, «было слишком много проблем». Город ему понравился, но он скучал по лошадям. И он купил чистокровную лошадь с перебитыми коленями на рынке Саутхолл и практически бесхозные стойла викторианского времени у муниципалитета. Впоследствии муниципалитет не раз пожалел об этой сделке.

Теперь «Ковбой Джон» был предприятием или помехой, это как посмотреть. Для чиновников из муниципалитета – помехой. Они постоянно посылали предупреждения о состоянии окружающей среды и борьбе с вредителями, хотя Джон неустанно повторял, что они могут просидеть здесь хоть всю ночь, облитые сырным соусом с головы до ног, и не дожидаться ни одного грызуна: у него имелся поисковый отряд отважных кошек. Для застройщиков и строителей – тоже помехой. Они хотели бы втиснуть на эту территорию многоквартирные дома, а Ковбой Джон продавать землю отказывался. Большинство соседей на Джона не жаловались, останавливались поболтать с ним по-дружески или купить что-нибудь из свежих овощей. Местные рестораны его обожали. Ранджит или Нила из «Радж-Паласа» прибегали, если им нужны были яйца, или курица, или козлятина. И потом были такие, как Сара. Она проводила здесь все свободное от школы время. Аккуратная викторианская конюшня с покачивающимися скирдами сена и соломы давала ей укрытие от безжалостного шума и суеты городских улиц.

– Ты еще не выпускала этого глупого гуся?

Ковбой Джон появился, когда она бросала сено в кормушку пони. На старике была шляпа стетсон – на случай, если кто-то не догадается, кто он такой. Впалые щеки блестят от испарины – он курил на ходу, а солнце уже грело.

– Не-а. Он меня за ноги щиплет.

– Меня тоже. Надо спросить в новом ресторане, не нужен ли им гусь. Черт, у меня все циклолотки в шрамах.

Они смотрели на жирную птицу, которую Джон купил из прихоти на прошлой неделе на рынке.

– Соус из чернослива! – гаркнул он, и гусь зашипел в ответ.

Сара не могла вспомнить, когда начала проводить почти все свободное время на Спеннени-лейн. Когда она была совсем маленькой, Папá сажал ее на косматых шетландских пони Ковбоя Джона, а Нанá неодобрительно шикала: ей казалось, Папá не должен передавать девочке свою страсть к лошадям. Когда ее мать в первый раз ушла из дому, Папá привел ее сюда, чтобы она не слышала, как плачет Нанá. Или когда мать в редких случаях появлялась в доме, она кричала на нее и приказывала не горбиться.

Здесь Папá научил ее ездить верхом. Бегал по переулкам туда-обратно, пока она не научилась ездить рысью, подпрыгивая в седле. Папá возмущался тем, как некоторые содержат своих лошадей в конюшне Ковбоя Джона. Говорил, что если они живут в городе, то это не освобождает их от обязанности тренировать животное каждый день. Он не разрешал ей есть прежде, чем будет накормлена лошадь. Принимать ванну, пока она не начистит до блеска свои сапоги. А потом, когда умерла Нанá, появился Бошер, которого они звали Бо. Им тогда нужно было на что-то отвлечься, найти повод уходить из опустевшего дома. Потом, когда Сара стала подростком, Папá показалось, будто наивную девочку поджидают опасности, и он решил, что ее надо чем-нибудь увлечь. Он стал тренировать жеребенка медной масти и свою внучку, причем тренировки далеко выходили за рамки того, что местные детишки называли верховой ездой: мчаться по улицам, подпрыгивая на спине пони, пока впереди не покажутся болота; скакать через скамейки в парке, ящики с фруктами и любые другие препятствия, вызывающие восторг. Папá был очень взыскательным к тому, чего другие даже не видели: правильный, до миллиметра, угол сгиба ноги, совершенно неподвижные руки. Он мучил Сару, пока она не начинала плакать: ей так хотелось дурачиться со сверстниками, а он не разрешал. И не только потому,

что Папá хотел защитить ноги Бо от бетонированных дорог, а потому, что, как он говорил, ей нужно учиться и единственный способ достичь чего-то – это труд и дисциплина.

Папá до сих пор повторяет эти слова. Поэтому Джон и другие зовут его Капитаном. Сначала это было нечто вроде шутки, но она знала, что они его слегка побаиваются.

– Чая хочешь? – Ковбой Джон указал на чайник.

– Нет. У меня всего полчаса. Нужно быть сегодня в школе пораньше.

– Ты еще работаешь над своими трюками?

– Сегодня, – сказала она с подчеркнутой вежливостью, – мы будем отрабатывать езду рысью с переменной ног в воздухе, с элементами пиаффе. По приказу Капитана. – Она погладила лоснящуюся шею лошади.

Ковбой Джон ухмыльнулся:

– Надо будет обязательно сказать это твоему старику. В следующий раз, когда мимо будет проезжать цирк, они ему проходу не дадут.

Почти каждую неделю Наташа встречала детей, уже знакомых со сферой правосудия. Их приводило сюда либо предписание суда за злостное нарушение порядка, либо ордер на арест несовершеннолетнего. Время от времени такие случаи даже попадали в печать. Но нынешний юный клиент поразил ее не только жестокостью своего преступления, но и собственной судьбой. Истории детей, с которыми она имела дело, были полны отчаяния, насилия и небрежения со стороны взрослых. В большинстве случаев Наташе удавалось выслушивать их без содрогания. За десять лет она узнала столько подобных вещей, что они перестали вызывать сочувствие, – она лишь прикидывала в уме, ее ли это компетенция. Проверяла, подписаны ли документы об оказании юридической помощи. Гадала, насколько сильна будет защита, можно ли верить словам свидетеля. Как и всем остальным, подростку по имени Али Ахмади было суждено стереться из ее памяти, превратиться в название папки-дела, записью в реестре суда, о которой вскоре забыли.

Он вошел в ее кабинет два месяца назад: настороженный, с отрешенным взглядом, выдававшим недоверие и отчаяние, что часто встречается у подобных ему. На ногах дешевые, явно кем-то подаренные кроссовки, слишком широкая рубашка мешком висела на тощей груди. Ему было необходимо предписание суда о критическом положении, чтобы его не выслали обратно в страну, которая, по его словам, чуть его не погубила.

– Я, в общем-то, не занимаюсь вопросами иммиграции, – объяснила Наташа, но Рави, который вел такие дела, был в отпуске, и требовалось срочно его подменить.

– Наташа, пожалуйста, помогите, – сказала приемная мать, – я вас знаю. Вы можете.

Два года назад Наташа уже представляла в суде другого ее ребенка. Она просмотрела документы, подняла голову и улыбнулась мальчику. Он улыбнулся в ответ, но не сразу. Улыбка вышла не уверенной, а скорее умиротворенной. Будто этого от него и ждали. Она изучала записи, а он тем временем начал говорить, все больше волнуясь. Женщина переводила, он объяснял жестами слова, которых она не понимала.

Его семью преследовали как политических диссидентов. Отец пропал по пути из дому на работу. Мать избили на улице. Потом и она пропала, как и ее сестра. Али был в таком отчаянии, что почти две недели шел пешком до границы. Когда он говорил, из глаз лились слезы, он утирал их, стесняясь. Если он вернется на родину, его убьют. Ему было пятнадцать.

В общем-то, малопримечательная история.

Линда караулила у двери:

– Не могла бы ты позвонить секретарю судьи? Хорошо бы получить зал суда четыре.

Когда они уходили, Наташа положила руку на плечо мальчика и только тогда поняла, какой он высокий. Казалось, он уменьшился в размерах, пока рассказывал свою историю. Как будто рассказ сплющил его тело.

– Сделаю все, что в моих силах, – пообещала она, – но все же, мне думается, вам лучше обратиться к кому-то другому.

Она добилась для него постановления в суде и была готова забыть о нем навсегда, но перед уходом из зала, пока убирала бумаги в портфель, заметила, что он снова плачет в углу, беззвучно всхлипывая. Ошеломленная, она отвела глаза, когда проходила мимо, но он вырвался из рук приемной матери, снял с шеи цепочку и вложил ей в ладонь. Он не смотрел на нее, даже когда она сказала, что не стоило этого делать. Просто стоял, опустив голову и согнувшись вопросительным знаком. Прижал ладони к ее ладоням, хотя его религия запрещала это. Она не забудет, как его руки обхватили ее пальцы, совсем по-взрослому.

Те же руки два дня назад поздно ночью предприняли «продолжительную и порочную атаку» на безымянную пока двадцатилетнюю продавщицу в ее собственном доме.

Снова зазвонил телефон, и снова раздалось шиканье, в этот раз нескрываясь возмущенное. Наташа в очередной раз извинилась, встала, собрала вещи и начала протискиваться к выходу в битком набитом вагоне. Поезд неожиданно качнуло влево. Пытаясь удерживать равновесие, с портфелем под мышкой, она добралась до тамбура и нашла свободное место у окна в максимальной близости к вагону, где было разрешено пользоваться мобильными телефонами. Звонок оборвался, она уронила сумки и выругалась: напрасно лишилась места. Наташа уже хотела убрать телефон в карман, когда увидела сообщение на экране:

Привет. Нужно забрать кое-что из вещей. В любое удобное для тебя время на следующей неделе. Мак.

Мак. Не мигая, она смотрела на маленький экран, и все вокруг застыло. Мак.

У нее не было выбора.

Без проблем, написала она в ответ.

Когда-то в этом уголке Сити находились сплошные конторы солиситоров. Они размещались одна за другой в зданиях диккенсовских времен. Вывески с золотыми буквами обещали представительство по вопросам бизнеса, налогов и семьи. Большинство давно переехало на окраины Сити в новые бизнес-центры из стекла и бетона, спроектированные современными архитекторами, дабы подчеркнуть, что их обитатели смотрят на мир на уровне двадцать первого века. Фирма «Дэвисон и Бриско» пока не вписалась в этот тренд, и кабинет Наташи, тесный, набитый книгами, в дышащем на ладан георгианском здании, в котором размещались офисы еще пяти юристов, больше напоминал кабинет университетского профессора, чем офис коммерческого предприятия.

– Вот бумаги, которые вы просили. – Бен, долговязый прилежный молодой человек с гладкими щеками, какие могут быть только у двадцатипятилетнего, положил перед ней папку с розовыми тесемками. – Вы не притронулись к круассанам.

– Извини. – Она пролиستала содержимое папки. – Нет аппетита. Бен, окажи услугу. Отыщи мне, пожалуйста, дело Али Ахмади. Юридический анализ на предмет критического положения. Месяца два тому назад.

Потом взглянула на газету, которую купила на вокзале, пытаясь убедить себя, что прочитанное – не более чем галлюцинация из-за недосыпа.

Открылась дверь, и вошел Конор, в синей рубашке в полоску, которую она подарила ему на день рождения.

– Доброе утро, Дока. – Он перегнулся через стол и нежно поцеловал ее в губы. – Как все вчера прошло?

– Хорошо. Очень хорошо. Я по тебе скучала.

– У меня были мальчики. Прости, ты же знаешь, как это. Пока мне не разрешат видаться с ними чаще, не хочу пропускать свидание.

– Приятно провели время?

– Оторвались по полной. «Гарри Поттер» на дивиди, тосты с фасолью. Мы едва не разнесли дом в пух и прах. Кровать в отеле не показалась слишком широкой без меня?

Она откинулась на спинку стула:

– Конор, мне тебя очень не хватало, но к полуночи я была так измотана, что могла бы уснуть и на скамейке в парке.

Снова вошел Бен, кивнул Конору, положил перед ней на стол папку:

– Мистер Ахмади.

– Насколько мне помнится, ты занималась этим делом о депортации пару месяцев назад. – Конор посмотрел на нее с любопытством. – С чего снова в нем копать?

– Бен, принеси мне, пожалуйста, свежего кофе. Из кафетерия, не ту коричневую бурду, что Линда делает.

– И мне. – Конор протянул банкноту. – Двойной эспрессо. Без молока.

– Ты себя так убьешь, – заметила она.

– С Божьей помощью, я делаю это эффективно. Ладно. – Он заметил, что она ждет, пока не уйдет Бен. – В чем дело?

– Вот. – Она протянула газету со статьей.

– А, твой парень! – Он быстро пробежал текст глазами.

– Ну да. – Наташа вытянула руки и на секунду опустила голову на стол. Потом взялась за круассан с миндалем. – Мой парень. Не знаю, может, стоит сообщить Ричарду?

– Старшему партнеру? Только не это! Зачем тебе власяница, Дока?

– Преступление-то серьезное.

– Предугадать ты его не могла. Наташа, не бери в голову. Это все лишь часть работы, милая. Сама знаешь.

– Знаю. Просто это так... так жутко. Он был такой... – Она покачала головой, вспоминая. – Не понимаю. Не похоже это на него.

– Не похоже. – Конор засмеялся.

– Да, не похоже. – Она сделала большой глоток остывшего кофе. – Невыносимо участвовать в чем-то столь ужасном. Я ощущаю свою ответственность.

– С чего бы? Ты заставила его напасть на девушку?

– Ты прекрасно знаешь, я имела в виду совсем другое. Я хорошо подготовила дело и помогла ему остаться в стране. Я несу ответственность за то, что он здесь.

– Потому что ни у кого другого это не получилось бы, так?

– Ну...

– Не изводи себя. – Конор постучал по папке. – Если бы этим делом занимался Рави, он был бы на твоём месте. Забудь. И не заикливайся. Встретимся вечером, выпьем чего-нибудь. Сходим в «Арчери»? Знаешь, они теперь предлагают тапас.

Но Наташа была мастером давать советы, а не следовать им. Через какое-то время она во второй раз раскрыла дело Ахмади, пытаясь найти хоть какое-то объяснение, почему этот мальчик, который так плакал и так нежно сжимал ее руки, оказался способен на акт насилия. Она не могла этого понять.

– Бен, найди мне атлас.

– Атлас?

Через двадцать минут стажер принес атлас – потрепанный, в тряпичном переплете, корешка не видно из-за заплат.

– Скорее всего, он устарел. Там упоминается Персия и Бомбей, – сказал он, извиняясь. – Лучше поискать в Интернете. Хотите, я найду?

– Я луддит, Бен. – Наташа принялась листать страницы. – Ты же знаешь. Мне нужно видеть на бумаге.

Сама не зная почему, она решила найти место, откуда мальчик был родом, запомнила название города. И когда она водила пальцем по странице, ее вдруг осенило – никто из социальных работников, никто из ее коллег-юристов, ни даже приемная мать не задали Али очевидный вопрос: как он смог пройти пешком девятьсот миль за тринадцать дней?

Вечером Наташа сидела в баре и кляла себя за то, что не проверила все досконально. Она рассказала историю Конору, и он отрывисто, мрачно рассмеялся. Потом пожал плечами:

– Ты же знаешь, эти дети готовы на все. Будут говорить то, что, по их мнению, ты хочешь услышать.

Она встречалась с такими детьми каждый день: с беженцами, с перемещенными или безнадзорными, с подростками, которые не слышали ни одного доброго слова и не знали теплого объятия, с преждевременно ожесточившимися подростками, чей разум направлен на выживание любой ценой. Ей казалось, она понимает, кто из них лжет: девочки, которые не хотели жить дома и поэтому утверждали, что родители жестоко с ними обращаются; люди, просившие убежища, которые клялись, что им одиннадцать или двенадцать, хотя их щеки покрывала вполне взрослая щетина. Она привыкла встречаться с одними и теми же малолетними правонарушителями: нескончаемый цикл проступков и поддельного раскаяния. Но Ахмади ее тронул.

Конор проявил неподдельный интерес:

– Слушай, ты уверена, что правильно нашла место?

– Название в протоколах. – Она попросила проходившего мимо официанта принести ей минеральной воды.

– И он в самом деле не мог пройти такое расстояние?

– Меньше чем за две недели? – спросила она с невольным сарказмом. – Семьдесят миль в день. Я подсчитала.

– Не знаю, почему тебя это расстраивает. Когда ты его представляла, тебе это было неизвестно, поэтому какое это теперь имеет значение? Ты не обязана ничего говорить. Ты вообще ничего не обязана предпринимать. Черт возьми, такое случается со мной постоянно. Половину клиентов приходится просить закрыть рот на первой же встрече, пока они не сказали чего-то, что я не должен слышать.

Наташа хотела возразить: если бы она проверила его рассказ сама, смогла бы раньше догадаться, что Ахмади лжет. Могла бы отказаться от дела под предлогом «душевного дискомфорта». Это часто заставляет людей более тщательно изучать факты. Можно было бы уберечь от беды ту женщину, неизвестную продавщицу двадцати шести лет. Но Наташа лишь бегло просмотрела записи. И позволила парню ускользнуть, исчезнуть в лондонских лабиринтах, полагая, что он хороший мальчик, который не предстанет перед судом вновь.

– Если он солгал о том, как попал в Англию, мог солгать о чем угодно.

– Выкинь ты это из головы. – Конор откинулся на спинку кресла и сделал большой глоток вина. – Несчастному ребенку удалось избежать высылки в богом забытую дыру. Ну и что? Забудь.

Даже имея дело с самыми трудными случаями, Конор надевал маску сангвиника: выйдя из зала суда, расточал улыбки и с радостным видом пожимал всем руки, будто ему все равно, выиграл он или проиграл. Он похлопал себя по карманам:

– Возьми мне еще один бокал. Иначе придется бежать в банкомат.

Она стала рыться в сумочке в поисках бумажника, и ее пальцы запутались в чем-то. Она потянула и вытащила на свет амулет – маленькую шероховатую на ощупь серебряную лошадку, которую Ахмади дал ей в тот день, когда она выиграла его дело. Она собиралась послать амулет ему домой – не так уж много у него ценностей, чтобы их раздаривать, – но совершенно об этом забыла. Теперь он напоминал ей о совершенной ошибке. Вдруг на память пришло странное для города видение, которое явилось ей в то утро.

– Конор, сегодня я видела нечто странное.

Пятнадцать минут поезд стоял в тоннеле на подъезде к Ливерпуль-стрит. Этого времени было достаточно, чтобы температура в вагонах повысилась, люди стали беспокойно ерзать на сиденьях и выражать недовольство. Связь в тоннеле не работала, и ее телефон замолчал. Оставалось лишь смотреть в черноту и думать о бывшем муже, который еще не совсем стал бывшим.

Она пошатнулась: поезд, скрежеща раскаленным металлом, дернулся и выехал из тоннеля на солнечный свет. Она не будет думать о Маке. Не будет думать об Ахмади, который оказался совсем не тем, за кого себя выдавал.

И в этот миг появилось видение. Оно так быстро исчезло, что, даже выгнув шею и оглянувшись назад, пытаясь рассмотреть, что это было, Наташа сама себе не могла сказать, видела она это на самом деле или ей пригрезилось. Видение растворилось в залитых маревом улицах и палисадниках, в покрытых сажей балконах и пропитанных свинцом веревках с развешанным бельем.

Но оно не оставляло Наташу весь день, даже когда поезд уже доставил ее в подернутый дымкой центр Сити. Посреди пустынной, мощенной булыжником улицы, зажатой между многоэтажными жилыми домами, вдоль которой располагались станции обслуживания грузовиков и припаркованные автомобили, стояла молодая девушка с длинной палкой в руке – не для угрозы, а для обучения.

А над ней возвышалась огромная лошадь, которая сохраняла равновесие, стоя на задних ногах, лоснящихся и мускулистых.

Наташа бросила кулон в сумочку, едва скрывая дрожь.

– Ты меня слушаешь?

– Прости, не разобрал, что ты сказала.

Он читал газету. Потерял интерес. Он же сказал: не зацкливайся. Можно подумать, он сам был на это способен.

Она пристально посмотрела на него:

– Уже ничего. Пойду раздобуду вина.

Глава 2

Позаботьтесь, чтобы жеребенок был добрым, послушным и любил людей... Таким его обычно делают дома.
Ксенофонт. Об искусстве верховой езды

Коня, подобного Бо, нечасто увидишь на заднем дворе в Восточном Лондоне. Он не был тяжелой ломовой лошастью с мохнатыми ногами или породистым иноходцем с овечьей шеей, которого можно быстро запрячь в двуколку, чтобы организовать подпольные бега на шоссе с двусторонним движением. Результаты заносятся в личные записные книжки, после чего кругленькие суммы, выигранные на незаконных пари, переходят из рук в руки. Не был он и хорошо обученной в школе верховой езды лошадью из Гайд-парка. Или одной из множества разнообразнейших низеньких крепких пони, черно-белых или коричневых, которые с разной степенью добродушия позволяли на себе ездить вниз по ступеням, перепрыгивать через пивные бочки или записывать себя в лифт, чтобы потом их хозяева могли со смехом и гиканьем скакать по балконам многоквартирных домов.

Бо был *Selle Français*, французским селем, ширококостной чистокровной верховой лошастью, с более крепкими ногами и более сильной спиной, чем предполагала эта порода. Он отличался спортивностью и уверенным шагом. Спина с короткой поясницей позволяла ему хорошо прыгать, а ласковый, почти как у собаки, нрав делал его уступчивым и добродушным. Его совершенно не беспокоил шум транспорта, и он не переносил одиночества. Ему быстро становилось скучно, и Папá повесил столько мячей на веревках у него в стойле, что Ковбой Джон шутил: старик, вероятно, прочит коняге место в баскетбольной лиге.

Другие дети у Сары в школе и во дворе получали удовольствие от подарков и сюрпризов, от гонок на угнанных автомобилях по пустырям, которых становилось все меньше; они тратили часы, чтобы вырядиться под какую-нибудь знаменитость, штудировали модные журналы с большей тщательностью, чем школьные учебники. Она ко всему этому была равнодушна. В первый раз надев на лошадь седло и вдохнув знакомый запах теплого тела и чистой кожи, обо всем другом она забыла.

Когда Сара ехала верхом на Бо, все неприятное, уродливое и удручающее исчезало. Она забывала, что была самой худенькой девочкой в классе, что ей одной ни к чему было носить лифчик, что только у нее и Рени, турчанки, с которой никто не разговаривал, не было мобильного телефона и компьютера. Забывала, что, кроме Папá, у нее никого нет на свете.

Если описать ее чувства к своей лошади, пока все складывалось хорошо, то это будет: благоговение перед ее могуществом, ощущение абсолютной силы под собой и восхищение тем, на что лошадь была способна ради нее. Бо плохо себя вел, только если она забывала, как правильно его попросить. Это случалось, когда ее беспокоили неприятности в школе, или ее мучила жажда, или она была усталой. Когда у них все получалось, он излучал такое добродушие, что у нее возникал комочек в горле. Бо был ее, и он был особенный.

Тем, кто не разбирался в лошадях, Папá говорил, что он был как «роллс-ройс» по сравнению с трактором: все тонко настроено, все быстро реагирует, все элегантно. Разговаривать с ним следует тихим голосом, на него нельзя кричать, и его нельзя шлепать. С ним у вас происходит слияние ума и воли. Она просила Бо что-то сделать, тот сосредоточивался, напрягал мышцы, опускал массивную голову на грудь и делал. Его потолком был потолок Сары. Дедушка говорил, у Бо самое большое сердце, какое он встречал у лошади.

Так было не всегда. У Сары осталось два шрама на руке в форме полумесяца – след от укуса. Когда они приучали Бо к поводьям, случалось, он срывался с поводьев и скакал по парку, размахивая хвостом, будто знаменем. Испуганные мамочки с колясками визжа разбега-

лись в разные стороны, а Папá громко молился на французском, чтобы лошадь не столкнулась с автомобилем. Каждый раз Папá говорил, что это Сара виновата. Иногда ей хотелось даже накричать на него. Но теперь она стала опытней и понимала его правоту.

Возможно, лошади формируются человеком в большей степени, чем другие создания. Они могут быть от природы пугливыми или строптивыми, но их реакция на окружающий мир определяется исключительно тем, как с ними обращаются. Ребенок даст вам второй шанс, потому что хочет быть любимым. Собака подойдет к вам, поджав хвост, даже если вы побили ее. Лошадь же не позволит приблизиться ни вам, ни кому-нибудь другому. Поэтому Папá никогда не повышал на Бо голоса. Никогда не выходил из себя и не отчаивался, даже если было очевидно, что Бо неуправляем и непослушен, как подросток.

Теперь он вырос, ему было восемь лет. Достаточно обучен, чтобы хорошо себя вести, достаточно умен, чтобы его шаг был летящим, элегантным. Чтобы увезти Сару из этого суточного города к ее будущему. Если Папá не ошибался, а ошибался он редко.

Опершись на швабру, Ковбой Джон смотрел сквозь ворота на парк, где девочка на лошади нарезала небольшие круги легким галопом, время от времени замедляя ход, чтобы похвалить лошадь или дать ей передохнуть. На ней не было головного убора – редкий акт неповиновения, поскольку дед не позволил бы ей сесть на этого коня с непокрытой головой. На солнце ее волосы ярко блестели, так же как круп лошади. Мимо нее на велосипеде проехал почтальон. Он что-то крикнул ей, она помахала ему рукой, не поворачивая головы, занятая своим делом.

Она была хорошей девочкой, в отличие от большинства детей, которые сюда приходили. Те будут гонять по пустынным улицам, пока копыта лошади не потрескаются. Сунут лошадь в стойло, потную и изможденную, и уйдут домой, обещая на ходу, что завтра мать или отец обязательно заплатят за аренду. Дерзят взрослым, тратят деньги, выданные на школьные завтраки, на сигареты, которые он у них конфисковывал.

– Мне плевать на ваши легкие. Не хочу, чтобы вы обкуривали моих старичков, – обычно говорил он, сам при этом затягиваясь сигаретным дымом.

Последнюю пачку он отобрал у мальчишки, которому было не больше восьми.

Ковбой Джон подумал, что Сара Лашапель вряд ли выкурила хоть одну сигарету. Капитан держал ее в строгости, как и этого коня: никаких ночных развлечений, никакого алкоголя и сигарет, никакого шатания по улицам. Девочка не роптала. Ее он, похоже, тоже выдрессировал.

Не то что ее мать.

Джон снял шляпу и утер лоб. Жара уже проникала в кожу сквозь выдавший виды стетсон. Мальтиец Саль уверял, что, если передать ему заведение, лошадь Капитана будет здесь в безопасности, как и лошади других хозяев, вовремя вносящих арендную плату. И, как это было уже сорок лет, здесь по-прежнему будет конюшня.

– Мне нужна база, – не раз повторял он Джону. – Это рядом с домом, и лошадям здесь хорошо.

Он говорил так, будто все уже решено. Джону хотелось сказать, что этот ветхий старый двор станет рынком, где можно будет купить и продать что угодно, но такому, как Саль, говорить это нельзя. В особенности принимая во внимание деньги, которые тот предлагал.

Правда заключалась в том, что Ковбой Джон устал. Он мечтал поселиться в деревне, обменяв свой дом на маленький коттедж с участком, где его лошади могли бы щипать травку. Жизнь в городе становилась все уродливее, а он – все старше. Он устал воевать с муниципалитетом, собирать битые бутылки, которые каждую ночь пьянчуги и просто идиоты бросали через ворота и о которые животные могли бы пораниться. Устал ссориться с детьми, которые отказывались заплатить долг. Все чаще он рисовал себе картину, где он сидит на пороге дома, смотрит вдаль и до самого горизонта видит только зеленую траву.

Саль сохранит здесь конный двор. И деньги предлагает хорошие, достаточно, чтобы воплотить мечту Джона. И все же... Несмотря на деньги, несмотря на мечту о покое, мечту видеть, как его старые кони машут хвостами в высокой траве, что-то внутри мешало ему отдать двор этому человеку. Что-то подсказывало ему, что обещания Салья ничего не стоят.

– Bon anniversaire!¹⁴

Сара возилась с ключом, который не хотел вытаскиваться из замка, и услышала голос деда, еще не видя его самого. Улыбнулась:

– Merci!¹⁵

Она ожидала увидеть на кухонном столе торт, как в прошлом году. Но торта не было. Она миновала коридор и застала деда перед телевизором.

– Voilà!¹⁶ Садись, – велел он, целуя в обе щеки.

На нем был его лучший галстук.

Она украдкой взглянула на маленький кухонный стол:

– Мы не будем пить чай?

– Пицца. Чуть позже. Ты выбираешь. – Он протянул ей проспект.

Пицца с доставкой на дом – большая для них редкость.

– Чуть позже?

Она бросила школьную сумку и села на диван, чувствуя возрастающее волнение. Папá выглядел таким довольным, на губах – легкая улыбка. Она не могла припомнить, когда видела его таким в последний раз. После того как Нанá умерла четыре года назад, он ушел в себя и оживлялся только при виде Бо. Сара знал, что он ее любит, но это была любовь, которую не увидишь по телевизору: он не говорил ей нежных слов, не спрашивал, что у нее на душе. Он заботился, чтобы она была накормлена, умыта и сделала уроки. Научил ее быть практичной, обращаться с деньгами, чинить и штопать. И верховой езде. Они оба освоили, как пользоваться стиральной машиной, вести домашнее хозяйство и покупать продукты на неделю с минимальными затратами. Когда она грустила, он клал руку ей на плечо, иногда подбадривал. Когда она теряла голову от волнения, ждал, пока не успокоится. Если поступала неправильно, открыто высказывал свое недовольство неодобрительным взглядом. Одним словом, он обращался с ней будто с лошадью.

– Сначала, – сказал он, – мы кое-что посмотрим.

Она проследила за его взглядом и увидела DVD-плеер. Когда она уходила из дому утром, его не было.

– Ты купил мне дивиди-плеер? – Она нагнулась и провела пальцем по блестящей металлической поверхности.

– Он не новый, – сказал Папá, извиняясь, – но parfait¹⁷. И не краденый. Купил на распродаже.

– И мы можем смотреть что угодно? – возбужденно спросила она.

Она сможет брать напрокат фильмы, как другие девочки в школе. Всякий раз, когда речь заходила о фильмах, она всегда была не в курсе новинок.

– Не просто что угодно. Мы посмотрим с тобой un spectacle¹⁸. Но сперва... – Он достал бутылку, торжественно открыл ее и разлил вино по бокалам. – Четырнадцать. Доросла до вина.

---

¹⁴ С днем рождения! (фр.)

¹⁵ Спасибо! (фр.)

¹⁶ Вот! (фр.)

¹⁷ Превосходный (фр.).

¹⁸ Представление (фр.).

Он кивнул и протянул ей бокал. Она сделала глоток, стараясь скрыть, что вино показалось ей слишком кислым. Она бы предпочла диетическую кока-колу, но не отважилась попросить, чтобы не испортить торжественности момента.

С довольным видом дед надел очки, взял пульт управления и уверенно нажал на кнопку: явно тренировался до ее прихода. Экран телевизора ожил, дед сел на диван рядом, держа спину прямо, несмотря на мягкие подушки. Отпил из своего бокала. Было видно, что ему хорошо, и она прильнула к нему.

Заиграла классическая музыка, и белая лошадь пронеслась по экрану.

– Что это?

– Кадр-Нуар. Куда мы с тобой стремимся.

Даже любители лошадей мало знали о Кадр-Нуар, загадочной организации элитных французских наездников, существующей с 1700-х годов в неизменном, узнаваемом виде. Академия, где могут возникнуть жаркие споры о величине угла, под которым должны сгибаться задние ноги лошади, когда она выполняет фигуры, возникшие тысячу лет назад, такие как крупада или левада. Наездники носили там старинную черную форму. В год принимали не больше одного-двух новых членов. Упор делался не на материальную выгоду или передачу навыков и знаний широким массам, но на достижение высшего мастерства в таких вещах, которые обычные люди даже не замечали. Если бы вы об этом знали, то невольно спросили бы: а зачем все это? Но все, кому довелось увидеть, как эти лошади двигаются под своими серьезными всадниками, как они образуют абсолютно симметричный строй или выполняют потрясающие прыжки, нарушающие все законы притяжения, как они перебирают ногами в танце, как подчиняются воле наездников, не могли остаться равнодушными к их послушанию, красоте и потрясающей ловкости. Возможно, даже если вы не любите лошадей или французов, то будете рады, что такая организация существует.

Сара смотрела сорокаминутное представление молча. Оно ее заворожило. Ей захотелось побежать к Бо и повторить с ним то, что она видела. Она знала: он смог бы. Он был умнее и сильнее некоторых лошадей в фильме. В нем была та же мощь, она часто это чувствовала, когда сидела на нем верхом. Она смотрела на лошадей, проносящихся на экране, и ее руки и ноги приходили в движение, руководя ими, когда они выполняли фигуры, известные со времен древних греков.

Пусть ее арена располагалась в парке с вытоптанной травой и горами мусора, а не на широкой площади исторического французского города, пусть на ней старые джинсы и футболка вместо черного кителя с золотыми галунами и фуражки. Она знала, что чувствовали эти мужчины. Когда камера показывала их лица, на которых отражались усилия, сочувствие, целеустремленность, она ощущала близость с ними, какой никогда у нее не было ни с одной девочкой в школе. Все, чему учил ее Папá, заняло свое место. Он говорил, что им предстоят годы работы. Он говорил, что разрешить ей исполнить такие фигуры – это все равно что разрешить Ковбою Джону принять участие в марафоне прямо с сигаретой в руке. И теперь Сара поняла, к какой цели он стремился: это была каприоль. Самая сложная и красивая фигура, которую может выполнить лошадь, когда все четыре копыта отрываются от земли в балетном прыжке. Лошадь взмывает в воздух, словно пушинка, отталкиваясь задними ногами, будто ей неведома сила притяжения. Красиво. Страшно. Вызывает благоговение.

Сара не могла бы описать свои чувства, когда Папá рассказывал о французской школе. И какой у них был шанс, если был. Что бы он ни говорил, она не могла сопоставить жизнь на конном дворе Ковбоя Джона и тренировки в парке с тем будущим, которое описывал Папá. Когда на экране пошли титры с именами создателей фильма, она поняла, что он произвел эффект, обратный задуманному. Он только подтверждал, что Папá витал в облаках. Как можно совершить прыжок из лондонского захолустья в Кадр-Нуар с его утонченностью и славой?

Эта мысль породила в ней чувство вины. Сара взглянула на деда, пытаясь понять, догадался ли он о ее чувствах. Он все еще смотрел на экран. По его щеке катилась слеза.

– Папá?

Он стиснул зубы. Ему потребовалось время, чтобы взять себя в руки.

– Сара, это выход для тебя.

– Выход из чего?

Она никогда не считала свою жизнь ужасной. В отличие от Папá.

– Такого будущего я хочу для тебя.

Она сглотнула.

Он взял в руки коробочку от видео:

– У меня есть письмо от Жака Варжюса, моего старого друга из Сомюра. Он пишет, они приняли двух женщин. Сотни лет в академию не принимали женщин, даже не рассматривали их кандидатуры. Сейчас принимают. Военная служба не играет роли. Нужно быть лучше всех. Сара, это шанс. – (Она растерялась от его напора.) – У тебя есть способности. Тебе нужна дисциплина, и только. Не хочу, чтобы ты напрасно растрачивала время. Не хочу, чтобы ты общалась с этими *imbéciles*¹⁹ и оказалась с ребенком в коляске. – Он махнул рукой в сторону парковки за окном.

– Но я...

Он поднял руку:

– Мне нечего тебе дать, кроме этого. Моих знаний. Моих усилий. – Он улыбнулся, пытаясь смягчить свой тон. – Моя девочка в черном. *La fille du Cadre Noir*²⁰.

Она молча кивнула. Дедушка нечасто выражал свои чувства и сейчас выглядел беззащитным, кающимся. Ей стало страшно. Все дело в вине, объяснила она себе. Он редко выпивал. Вино подогрело их эмоции. Она крутила бокал в руках и избегала смотреть ему в глаза.

– Отличный подарок.

– Non! – Он вернулся из мира грез и вновь взял себя в руки. – *Un demi cadeau*²¹. Не хочешь увидеть вторую часть?

Она облегченно улыбнулась:

– Пицца?

– Фу! Пицца! Non, non – regards²². – Он достал конверт и протянул ей.

– Что это?

Он кивнул.

Она открыла конверт, осмотрела содержимое и обмерла. Четыре билета. Два – на автобус с пересадкой на паром. Два – на представление Кадр-Нуар.

– Это от Варжюса. *En novembre*²³. Мы едем на каникулы.

Они ни разу не ездили за границу, даже когда Нанá была жива.

– Мы поедем во Францию?

– Пора. Пора тебе увидеть. Мне вернуться. Мой друг Варжюс теперь *Le Grand Dieu*. Знаешь, что это значит? Он самый важный, самый опытный наездник в Кадр-Нуар. Non. Во всей Франции.

Сара смотрела на рекламную брошюру: на наездников в черной форме, лоснящихся лошадей.

---

¹⁹ Придурки (*фр.*).

²⁰ Девочка из Кадр-Нуар (*фр.*).

²¹ Нет! Это половина подарка (*фр.*).

²² Нет, взгляни (*фр.*).

²³ В ноябре (*фр.*).

– Я заполнил анкеты на паспорта. – Казалось, Папá загорелся новой идеей. – Нужны только твои фотографии.

– Где взять деньги?

– Я кое-что продал. Pas du tout²⁴. Ты довольна? Хороший день рождения?

Она обратила внимание, что на нем нет часов. Часы фирмы «Лонжин» были свадебным подарком Нанá. Они были ему так дороги, что, когда Сара была маленькой, ей не разрешали даже их трогать. Она хотела спросить, но не решилась.

– Сара?

Она встала и оказалась в его объятиях. Уткнувшись в его старый мягкий джемпер, она позабыла все слова. Даже не смогла поблагодарить его.

---

²⁴ Не все (фр.).

Глава 3

Не подходите к ней, когда вас бушуют чувства. Гнев, нетерпение, страх... любая человеческая эмоция препятствует эффективному общению с лошадью.

Ксенофонт. Об искусстве верховой езды

Когда получалось рассуждать об этом здраво, Наташа могла бы сказать, с долей черного юмора, что ее замужество началось за здравие, а кончилось за упокой. Как ни странно, она сама помогла ускорить такое развитие событий, но как вышло, так вышло.

Ирония заключалась в том, что на момент ухода Мака Наташа с Конором даже не целовалась. Хотя нельзя сказать, что у них не было возможности. Когда ее брак стал трещать по швам, ланчи с Конором, его шутки, его внимание приносили облегчение. Он не скрывал, как к ней относится.

– Ты выглядишь опустошенной, старушка. Это ужасно, – говорил он с присущим ему обаянием. Он накрывал ее руку своей ладонью, она всякий раз освобождала руку. – Тебе необходимо привести свою жизнь в порядок.

– И закончить тем же, чем ты?

Его тяжелый развод стал легендой в офисе.

– Да ладно. Всего лишь острая, изнуряющая боль. С ней быстро свыкаешься.

Но тяжелый опыт давал ему возможность понять, через что вынуждена проходить она. Уже одно это отличало его от других.

В мире ее родителей браки распадались из-за смерти супруга, домашнего насилия или многочисленных и нескрываемых измен. Они распадались, когда терпеть побои было больше невмоготу и сопутствующий ущерб был слишком велик. В том мире браки не умирали, как у Наташи, медленно, от отсутствия внимания. В последние месяцы она часто себя спрашивала, а была ли вообще замужем. Он все чаще уезжал в зарубежные командировки и отсутствовал физически, а не только эмоционально. Когда он был дома, их не предвещающие ничего опасного разговоры заканчивались жесткими, мстительными обвинениями. Оба так боялись быть оскорбленными или, еще больше, отвергнутыми, что было проще не общаться вовсе.

– Счет за газ надо оплатить, – говорил он.

– Намекаешь, что я должна его оплатить, или сообщаем, что собираешься это сделать сам?

– Просто подумал, тебе это интересно.

– С какой стати? Потому что практически здесь не живешь? Хочешь получить скидку?

– Не будь посмешищем.

– Тогда просто оплати его сам и не вешай это на меня. Да, кстати, снова звонила Катрина. Та самая, которой двадцать один год и у которой силиконовые сиськи. Она еще называет тебя Маки. – Наташа передразнила низкий, с придыханием голос модели.

После этого он обычно хлопал дверью и удалялся в дальнюю часть дома.

Они встретились семь лет назад, в самолете по пути в Барселону. Наташа была в компании друзей по юридическому факультету: праздновали чье-то вступление в коллегия адвокатов. Мак возвращался из короткого отпуска и забыл свой фотоаппарат в квартире подруги. Это должно было послужить Наташе предостережением, поняла она много позже, поскольку было символом его неупорядоченной жизни и отсутствия здравого смысла. (Похоже, он не подозревал о существовании почтовой службы DHL.) Но тогда она думала, ей несказанно повезло, что досталось место рядом с обаятельным мужчиной с короткой стрижкой и в куртке цвета

хаки, который не только смеялся, когда она шутила, но и проявлял неподдельный интерес к ее профессии.

– И чем вы, собственно, занимаетесь?

– Я солиситор-адвокат. Это нечто среднее между солиситором и барристером. Представляю в суде людей, чьи дела веду. Специализируюсь на детях.

– Малолетних преступниках?

– В основном находящихся под опекой. Немного на разводах, защищаю интересы детей. После того как приняли «Акт о детях», эта сфера начала расширяться.

Она по-прежнему старалась добиться лучших условий для детей, пострадавших в результате развода родителей, заставить местные власти и иммиграционную службу найти им временный дом. Но, сталкиваясь с судьбой каждого доведенного до отчаяния ребенка, она встречалась с циничной попыткой получить убежище, а помещение в новую временную семью приводило к жестокому обращению и возврату ребенка. Она старалась поменьше об этом думать. И ей это удавалось. Считала, что, если хоть кому-то помогла, уже хорошо.

Мак ценил это. Говорил, что в ней есть стержень, в отличие от других людей, которых он знал по работе. Недовольная подружка, встретившая его в аэропорту Барселоны, бросала ревнивые взгляды, когда Наташа вежливо с ним прощалась. Через шесть часов он позвонил ей, сказал, что порвал с подружкой, и спросил, можно ли пригласить ее куда-нибудь в Лондоне. Весело добавил, чтобы не винила себя за этот разрыв: отношения были несерьезными. Как все в жизни Мака.

Свадьба была на ней: ему было все равно. К своему удивлению, Наташа поняла, что хочет свадьбы. Хочет определенности в отношениях. Предложения как такового Мак не делал.

– Если для тебя это так важно, я не возражаю, – сказал он, когда они лежали в постели однажды днем, сплетаясь ногами. – Но организовывать все будешь ты.

В их браке он был не более чем участником.

Поначалу это ее не беспокоило. Она понимала, что была помешана на контроле, как в шутку называл это Мак. Так ей было спокойнее. Так она упорядочивала жизнь, которая иначе была бы хаотичной. Она выросла в тесном беспорядочном доме. Они с Маком знали свои слабости и подшучивали над ними. А потом будущий ребенок, о котором они и не помышляли, отдалил их друг от друга, а позднее создал между ними пропасть.

Когда случился выкидыш, Наташа всего неделю как узнала о беременности. Она объясняла себе задержку стрессом (работала над двумя трудными делами), а когда опомнилась, подсчеты были уже бесполезны. Мака новость шокировала, как и ее, поэтому она не рассердилась.

– Что будем делать? – спросила она, готовая к худшему.

– Таш, – он почесал затылок, – как ты решишь, так и будет.

И пока они думали, крохотный сгусток клеток, гипотетический ребенок, принял свое решение и исчез.

Она не ожидала, что будет так горевать. Надеялась, что почувствует облегчение.

– В будущем году, – решили они, когда она призналась, что хотела этого ребенка, – съездим в отпуск, отдохнем. Попробуем еще.

Им вскружили голову маячившие перспективы. У Мака намечалось несколько крупных проектов. Она устроится на работу в фирму, которая сможет обеспечить солидный социальный пакет по декретному отпуску.

Потом ей предложили место в «Дэвисон и Бриско», и они решили подождать еще год. А потом еще год, после того как купили дом в Ислингтоне и Мак начал в нем ремонт. Тот год ознаменовался двумя событиями: карьера Мака сошла на нет, а ее взлетела. Несколько месяцев они виделись лишь иногда. Наташа в ту пору вела себя осмотрительно, дабы не показывать, что она успешнее его. А потом Наташа снова забеременела. Скорее случайно, чем намеренно.

Потом, намного позже, он будет обвинять ее в том, что она отгородилась задолго до того, как начала отношения с Конором Бриско. Что она могла сказать? Она знала, что это правда, но считала своим правом не говорить об этом. А что еще ей оставалось? Три выкидыша за четыре года, ни один ребенок не дожил до стадии созревания. Врач сказал, ей нужно обследоваться. Как будто речь шла о каком-то достижении. Ей не хотелось, чтобы кто-нибудь к ней прикасался, не хотелось снова пережить те мрачные времена. Она не хотела подтверждения того, о чем сама догадывалась.

А Мак, вместо того чтобы ее пожалеть, поддержать, как она надеялась, преодолев ее слезы и гнев, просто отдалился. Похоже, не смог справиться с ее болью, с сопливой неряшливой Наташей, которая целую неделю отказывалась подняться с постели и плакала, когда видела младенца на экране телевизора.

Когда она все же собралась с силами, то почувствовала, что ее предали. Его не было рядом, когда она в нем нуждалась. Только много лет спустя она догадалась, что он тоже мог страдать. Но было уже поздно. Тогда она только видела, что он рвется в командировки, кричит на нее, если она жалуется. Он говорил, что иначе ничего не добьется, что она его подавляет. Секс практически исчез из их жизни. Наташа достигла совершенства в решении всех вопросов, проявляя ледяную выдержку, и злилась, когда он был на это не способен.

А девушки тем временем звонили постоянно. Кокетки со славянским акцентом, нахальные подростки, негодующие, когда не заставляли его дома.

– Это просто работа, – уверял он. – Эти портфолио – мой хлеб с маслом. Ты же знаешь, мне это даже удовольствия не доставляет.

Учитывая отсутствие близости между ними, она не могла принимать его слова на веру. И все это время рядом был Конор, юрист с блестящим интеллектом, который понимал, что значит несчастливый брак, поскольку его собственный был именно таким.

– Мелкие интрижки с моей стороны, – говорил он. – Поражаюсь, до чего же некоторые женщины могут быть неблагоразумны.

За маской весельчака она видела боль, и это не могло не вызывать сочувствия, поскольку в ее жизни происходило то же самое.

Они стали обедать вместе так часто, что это заметили в офисе. Потом он начал приглашать ее в бар после работы. Что в этом предосудительного, если Мака все равно никогда не бывает дома? Иногда ей казалось, что ее флирт с Конором оправдан. Скорее всего, Мак тоже с кем-нибудь флиртовал в это время в каком-нибудь гламурном месте. Но когда однажды Конор перегнулся через столик и поцеловал ее в губы, она отодвинулась:

– Я все еще замужем. – Она сама удивилась, что прибавила это «все еще».

На самом деле ей очень хотелось ответить на поцелуй.

– Не суди строго одинокую душу за попытку, – ответил он и пригласил пообедать завтра.

Вскоре она привыкла на него полагаться. Вины своей она не чувствовала. Ей казалось, Мака это не касается. Они теперь даже не ссорились: совместная жизнь свелась к череде вежливых вопросов и препирательств с едва сдерживаемым раздражением, которое время от времени прорывалось наружу, после чего он либо отворачивался, либо выходил из комнаты, хлопнув дверью.

Они давно задумали вечеринку, чтобы отпраздновать окончание ремонта дома, проститься с чехлами от пыли и гипсокартоном и продемонстрировать результат трудов Мака – нечто не только красивое, но и незаурядное. К тому времени ей расхотелось устраивать приемы: казалось, и праздновать им по большому счету нечего. Но отменить ее было бы равносильно недвусмысленному заявлению, а она не была готова это сделать.

В саду играл квартет, сновали нанятые официанты. Со стороны хозяева дома, вероятно, казались идеальной парой. Гостями Мака были фотографии и модели с глазами газели, с ее сто-

роны – друзья-юристы. Над высокими кирпичными стенами звенел веселый смех. Она подумала, что неплохо было бы использовать вечеринку для укрепления деловых связей. Сама удивлялась, что живет в таком большом и стильном доме, и знала, что присутствие главы адвокатского бюро или королевского адвоката ей не повредит. Шампанское лилось рекой, звучала музыка, лондонское солнце просвечивало сквозь большой шатер, который они поставили в конце сада. Воплощение мечты.

Но она чувствовала себя совершенно несчастной.

Мак весь день ее избегал. Он стоял к ней спиной в компании людей, которых она не знала, и громко смеялся. С горечью она отметила, что все приглашенные им женщины были ростом не ниже ста восьмидесяти сантиметров и интересно одеты: казалось, они набросили на себя первое, что попало под руку, отчего выглядели модными и сексуальными. У нее не хватило времени погладить платье, которое она собиралась надеть, и кофта с юбкой, которые были на ней теперь, казались безвкусными и устаревшими. Мак не сказал, что она хорошо выглядит. Он теперь редко делал ей комплименты.

Наташа стояла на высоком йоркском крыльце и наблюдала за ним. Неужели их брак уже не спасти? А есть ли что спасать? Она видела, как он шепнул что-то на ухо высокой женщине: та прищурилась и озорно улыбнулась. Что он ей сказал? *Что он ей сказал?*

– Эй, – произнес кто-то у нее за спиной. – У тебя же все на лице написано. Пойдем выпьем.

Конор. Они спустились в сад и смешались с толпой гостей. Теперь на лице у нее висела приклеенная улыбка.

– Ты в порядке? – спросил он, когда они нашли тихий уголок в шатре.

Она только покачала головой.

Конор посмотрел на нее внимательно. Не стал шутить.

– «Маргарита», – заявил он, – лекарство от всех известных болезней.

Потом попросил бармена сделать четыре коктейля и заставил ее выпить два подряд.

– Ну и ну! – Через несколько минут она повисла у него на руке. – Что ты со мной сделал?

– Помог слегка расслабиться. Ты ведь не хочешь, чтобы люди перешептывались: «Что это с ней такое?» Сама знаешь, какие они все сплетники.

– Конор, что ты со мной сделал? – Она рассмеялась. – Чувствую себя на семьдесят градусов крепости.

– Наташа Маргарита, – проговорил он. – Красивое сочетание. Пойдем общаться с гостями.

Каблуки туфель увязли в траве, и она сомневалась, что удержит равновесие, если попытается их вытащить. Увидев заминку, Конор протянул ей руку, за которую она с благодарностью ухватилась. Они направились к юристам из адвокатского бюро, в которое часто обращались.

– Поболтаем с ними. – Конор понизил голос. – Ты знала, что Дэниела Хьюитсона месяц назад застукали в борделе? Ни в коем случае не говори: «Я слышала, вас застукали в борделе». – Он выждал немного. – Теперь ты не о чем другом не сможешь думать, так?

– Конор! – сказала она громким шепотом, снова повиснув на его руке.

– Лучше?

– Не отходи от меня. Возможно, мне потребуется на тебя опереться.

– Можешь на меня рассчитывать, дорогая, в любое время.

Радостно приветствуя окружающих, Конор пропихнул Наташу в центр компании.

Наташа смутно понимала, о чем говорят вокруг. Она чувствовала, что пьянеет все больше по мере того, как алкоголь всасывался в кровь. Теперь ей было на это наплевать, главное, Конор был рядом. Она думала только об этом, стараясь вовремя смеяться над шутками, кивать и улыбаться. У нее снова увязли каблуки, и, почувствовав, что шатается, она оперлась на него. В саду было столько народу, что этого, похоже, никто не заметил. Гости стояли группами,

плечом к плечу. Когда Конор незаметно за спиной взял ее за руку, она в знак благодарности сжала его мизинец. Он спас ее, не дал выставить себя душой. Как было легко, как естественно сделать следующий шаг. Прошло несколько минут, прежде чем она поняла, что жар, который она почувствовала на затылке, объяснялся не только припекающим солнцем.

Она повернула голову и увидела Мака в десяти шагах от себя. Он смотрел на ее руку. Она пошатнулась, покраснела и отпустила мизинец Конора. Позднее поняла, что это было самое неправильное, что она могла сделать. Это было признанием вины. Но исправить что-либо было уже поздно.

По выражению его лица она поняла, что все кончено. Возможно, уже давно.

– Тебе нужна хорошая стрижка, – сказала Линда у нее за спиной.

На компьютерном экране она увидела отражение осуждающего лица секретарши, орудовавшей ножницами. На плечи Наташи было накинуто офисное кухонное полотенце, усыпанное прядками русых волос.

– Времени нет. – Наташа вернулась к папке, лежащей перед ней. Очки на кончике носа, ноги в чулках на столе. – Нужно успеть все это прочитать. В два снова надо быть в суде, чтобы получить заявление по итогам слушанья.

– Высветленные пряди совсем отросли. Нужно сделать мелирование.

– Можешь сделать?

– Я сто лет никому не делала мелирования, тем более в обеденный перерыв. Ты хорошо зарабатываешь, должна сходить к настоящему парикмахеру, к какой-нибудь знаменитости. – Она отрезала еще одну прядку.

– Вот был бы ужас, – хмыкнула Наташа.

– Если бы захотела, могла бы сделать из себя красотку.

– Ты говоришь, как мои родители. Чая у нас не осталось?

Она пробежала глазами последнюю страницу, закрыла папку и потянулась за следующей. Телефон просигналил, что пришло сообщение. Мак за утро прислал ей два сообщения с вопросом, когда он может зайти. Почти десять дней прошло, как она дала ему от ворот поворот.

Извини. Завтра не получится. Может быть, в четверг. Дам знать, набрала она. Не успела положить телефон, как он снова запищал.

Полчаса. Среда вечер.

Она не хотела с ним встречаться. Слишком много дел. Он отсутствовал год. Может подождать день или два.

Не получится. Судебный пересмотр. Извини, написала она в ответ.

Но сегодня, похоже, у него лопнуло терпение.

Нужно забрать вещи. Пятница крайний срок. Могу это сделать без тебя. Скажи, если сменила замки.

Она захлопнула крышку телефона и попыталась собраться с мыслями.

– Лин, зачем мне идти в парикмахерскую? Мне нравится, как ты стрижешь.

– Не перехвали, миссис Макколи.

– Мисс.

– Кстати, хотела спросить, будешь менять «миссис» на «мс» на бланках? А то мне нужно новые заказать.

– С чего ты взяла, что я захочу быть «мс»?

Линда пожалала плечами:

– Ты такая.

– Какая «такая»? – Наташа подалась вперед, уворачиваясь от ножниц, и резко повернулась в кресле.

Линду не смутил вопрос.

– Независимая, хочешь, чтобы все это знали, и рада этому. – Она задумалась. – Обращение «миссис» означает, что его обладательница прошла через огонь, воду и медные трубы. В отличие от «мисс», предполагающего, что женщина не потеряла надежду нарядиться в белое подвенечное платье и фату.

Она положила обе руки на голову Наташи и повернула ее так, чтобы та смотрела прямо перед собой.

– Прошла огонь, воду и медные трубы, – повторила Наташа. – Не поняла, ты меня оскорбила или сделала комплимент.

Вошел Бен и положил на стол еще одну папку. Она потянулась за ней, и Линда чертыхнулась.

– Линда, социальный работник не звонил насчет Ахмади?

Наташа еще не знала, что собирается спросить, но ей нужны были какие-нибудь подсказки. Как она могла так ошибиться в этом парне? Неужели никто не проверил достоверность его рассказа?

– Ахмади? Это парень, про которого писали в газете? Которого ты представляла? Я узнала его имя. – Ничто не проходило мимо Линды. – Он напал на кого-то, да? Странно. По нему не скажешь.

Наташа не хотела обсуждать эту тему в присутствии стажера.

– В тихом омуте... Линда, заканчивай. Через двадцать минут я должна быть в суде, а я еще бутерброд не съела.

– Как все прошло?

Конор ждал ее перед залом суда. Она потянулась к нему и поцеловала, не обращая внимания на взгляды других юристов. Они теперь были парой. Двое разведенных, немолодых, умудренных опытом людей. Все в рамках приличий.

– Я их приручила. Знала, у меня получится. Пенningтону явно недоплатили.

– Умница, девочка моя. – Конор погладил ее по голове. – Хорошая стрижка. Как насчет ужина?

– С удовольствием бы, но у меня куча бумажной работы, которую нужно сделать до завтра. – Она увидела, как погрузтело у него лицо, и взяла его за руку. – А вот от бокала вина не откажусь. Я тебя почти не видела всю неделю.

Они прошли по относительно спокойному Линкольнс-Инн и вышли на оживленную, запруженную людьми улицу. Лучи солнечного света отражались от асфальта, когда они переходили на другую сторону, направляясь в паб. Наташа сняла жакет.

– Эти выходные не получится провести вместе, – сообщил Конор, когда они стояли у барной стойки. – У меня мальчики. Решил сказать тебе заранее.

Сыновья Конора, пяти и семи лет, даже год спустя тяжело переживали развод родителей и не были готовы узнать, что у папы есть подруга. Наташа попыталась скрыть свое разочарование.

– Жаль, – сказала она мягко. – А я заказала столик в «Уолсли».

– Шутишь.

– Не-а. – Она грустно улыбнулась. – У нас полугодовой юбилей, если помнишь.

– А я-то думал, ты сухарь, лишенный романтизма.

– Знаешь, никто не давал тебе монополии на красивые жесты, – кокетливо напомнила она. – Полагаю, придется найти тебе замену.

Похоже, подобная перспектива его не испугала. Он заказал напитки и повернулся к ней.

– Она едет в Дублин на выходные. – Он всегда говорил о своей бывшей «она». – Поэтому мое дежурство начинается в пятницу и заканчивается в понедельник утром. Понятия не имею, чем занять эту парочку. Они хотят покататься на коньках. Кататься на коньках, как тебе это? На улице двадцать семь градусов.

Наташа отпила из бокала, раздумывая, стоит ли предложить свою помощь. Если ему придется отказаться во второй раз, в этом будет нечто безнадежное. Для всех было бы безопаснее и проще, если бы она сделала вид, что не собирается вмешиваться.

– Не сомневаюсь, ты что-нибудь придумаешь, – осторожно заверила она.

– Как в понедельник вечером? Мог бы приехать к тебе, если хочешь. Весь на взводе.

– Боюсь, у меня нет выбора.

Она постаралась скрыть нотки горечи. Почему он не хочет свести ее с сыновьями? Рассматривает их отношения как временные и не считает нужным их знакомить? Или еще того хуже: она производит впечатление человека, который не любит детей, и он боится подобной встречи?

Весь прошедший год Наташа каждый день имела дело с конфликтами в суде, и ей хотелось их избежать в личной жизни.

– Тогда в понедельник, – улыбнулась она.

Они допили вино, обсудили рабочие дела. Конор посоветовал, как себя вести с судьей, с которым ей предстояло встретиться на следующей неделе. Они попрощались на пороге паба, и она вернулась в офис еще на час. Позвонила матери, выслушала скучный перечень недомоганий отца и рассказала кое-что из своей так называемой светской жизни. В девять заперла дверь, вышла на темную улицу, пропитанную запахами позднего лета, и на такси поехала домой.

Мимо проплывали лондонские улицы, парочки, не спеша выходящие из пабов и ресторанов. Когда ты один, кажется, у всех других есть спутник. Надо было принять приглашение Конора, но работа была единственным постоянным фактором ее существования. Если бы она поддалась искушению, вся жизнь стала бы напрасной.

Вдруг стало нестерпимо грустно, и она принялась шарить в сумочке в поисках бумажного платка. Потом заставила себя открыть папку, которую предстояло изучить до завтра. Держись, Наташа, не раскисай, велела она сама себе, не понимая, отчего так расстроилась. Хотя ответ был очевиден.

Она закрыла папку и прочитала новые эсэмэски. Сделала глубокий вдох и начала набирать текст.

Замки не поменялись. Приходи когда хочешь. Если придешь поздно, не гаси, пожалуйста, свет и задерни шторы, когда будешь уходить.

Глава 4

*Самое приятное из всех слов – похвала.
Ксенофонт. Об искусстве верховой езды*

Когда Сара пришла, у ворот ждал Ральф. Она вопросительно посмотрела на него, потом на часы. Ему было двенадцать, и он редко просыпался раньше полудня. Ральф утверждал, что каждый день ходить в школу не обязательно. Он любил засиживаться допоздна.

– Мальтиец Саль замутил бучу. – Он махнул рукой в сторону грузовика, припаркованного через улицу; рядом Саль ощупывал карманы куртки, проверяя, на месте ли телефон. – Ты едешь?

– Куда?

– На эстакаду. Ту, что у футбольных полей. Займет не более двадцати минут. Давай. Винсент обещал подбросить нас на своем пикапе. – Он смотрел на нее выжидающе, с сигаретой в углу рта. – Я помог Салю подготовить кобылу. Она из кожи вон лезет.

Наконец до Сары дошло, почему сегодня на Спеапенни-лейн припарковано в два раза больше машин. Мужчины рассаживались, хлопая дверьми, приглушенно переговариваясь в утренней тишине. Было слышно, как включают зажигание, воздух был пропитан ожиданием. Сара снова с недоумением посмотрела на часы.

– Ковбой Джон уже там, – сказал Ральф. – Ну, давай же. Будет весело.

Ей давно уже нужно было тренировать свою лошадь, но Ральф все стоял и ждал. Только одна она никогда не бывала на бегах.

– Ну же. Возможно, это последние бега нынешнего лета.

Она еще колебалась какое-то время, а потом побежала вслед за Ральфом к красному пикапу, который уже выпускал в чистый утренний воздух из выхлопной трубы фиолетовые клубы дыма. Она забросила в автомобиль свою сумку, взяла Ральфа за руку и взгромоздилась на груды веревок и брезента. Винсент велел им держаться крепче и выехал на пустую улицу за четырьмя другими автомобилями: в них вплотную сидели темноволосые мужчины, пуская сигаретный дым через полуоткрытые окна.

– Поставили крупную ставку против приезжих из Пикетс-Лок, – сообщил Ральф, перекивая шум мотора.

Мимо проехала полицейская машина, и они пригнулись.

– На какую кобылу?

– Серую.

– Ту, что отцепила двуколку?

– У него теперь новая, и еще шоры получше. Хорошо на ней подзаработал, ты уж мне поверь. Очень хорошо. – Ральф развел руки в стороны и расплылся в улыбке.

– Не говори Папа, что я поехала! – крикнула она.

Он глубоко затянулся и выбросил окуроч на дорогу. Иногда слова не нужны.

В отличие от бегов борзых или матчей воскресной футбольной лиги, соревнования на двуколках были нерегулярным и необъявленным спортивным событием на востоке от Сити. Не было ни стадиона, не освещенных дорожек, на которых лучшие лошади могли бы мериться силами, ни официальной букмекерской конторы, которая предоставляла бы почти равные шансы игрокам. Вместо этого несколько раз в год соперники условливались встретиться в каком-нибудь пустынном месте, оговорив заранее длину гладкой дороги с гудроновой пропиткой.

Тот факт, что такая беговая «дорожка» была общественной дорогой, соревнованиям не мешал. Ранним утром, пока шоссе было почти пустым, на него с противоположных концов выезжали пикапы. Они совершали маневры, пока не занимали обе полосы, а затем останавливались в условленных местах, включив аварийные огни. Другие транспортные средства были вынуждены тоже встать. Прежде чем водители успевали сообразить, лошади, запряженные в легкие двуколки, уже были на дороге. Сами бега проходили на дистанции в милю. Зрители кричали, потели и ругались. Мелькали ноги и хлысты ездоков. Нагнувшись вперед, они гнали своих лошадей к финишу. Зачастую он обозначался ленточкой, которую держали двое парней. Несколько минут, и ленточка будет порвана, а исход гонки решен. Участники исчезнут в переулках, будут поздравлять друг друга, спорить или раздавать выигрыши. К моменту появления полиции на месте заезда оставалась лишь кучка лошадиного помета и пара окурков. Словно ничего и не происходило.

Ральф сказал, это была любимая беговая дорожка Мальтийца Саля.

– Новенькая, гудроновая! – Он с восхищением провел ботинком по гладкой поверхности.

Они выпрыгнули из пикапа и стояли под эстакадой, ведущей в промышленную зону, наблюдая, как в нескольких шагах от них деньги переходят из одних рук в другие. Мужчины в татуировках из домов на колесах, почти невидимые из-за пилонов, сидели у своих блестящих грузовиков с огромными колесами, прижав к уху мобильный телефон и зажав сигарету в толстых грязных пальцах. Они отсчитывали купюры из пухлых пачек, поплевывали на ладони, прежде чем пожать друг другу руки. Блеск холодных глаз выдавал отсутствие доверия и дружеского расположения. Игроки со стороны Мальтийца были ниже ростом и полнее, чем приезжие. Их автомобили были более потрепанными, но зато костюмы – безукоризненными. Местные заняли места с одной стороны дороги, приезжие – с другой. Ковбой Джон стоял, прислонившись к пикапу, и задумчиво курил самокрутку. Он указывал на лошадей и разговаривал с кем-то на пассажирском сиденье. Парень, которого Сара не знала, сидел без седла на черной лошади, вытянув вперед ноги. С помощью недоуздка он помогал животному лавировать между машинами.

Чуть дальше Мальтиец Саль проверял застёжки на упряжи своей лошади, жуя ее, когда она ерзала. Он широко улыбался, сверкая золотым зубом. Кепка плотно сидела на его коротко стриженной голове. Смеясь, он ругал лошадь соперника, передразнивал неудачный угол ног, ее якобы уткую грудь.

– Они его терпеть не могут, – заметил Ральф, закуривая очередную сигарету. – Его в прошлом году застукали с чужой любовницей. Они саму лошадь и поставили.

– Как – поставили?

Ральф посмотрел на нее как на неразумного ребенка:

– Если он проиграет, ему придется отдать свою кобылу.

– Он же взбесится.

– Не-а. – Ральф сплюнул. – Пики знают, что у Саля банда, еще и вооруженная на всякий случай. Мы будем сидеть в пикапе Винсента, если придется свалить по-быстрому.

Он рассмеялся. Его всегда радовали возможные неприятности.

Мужчины стали рассаживаться по машинам, и Сару охватила дрожь: то ли от нервов, то ли от возбуждения. Над их головами, на эстакаде, поддерживаемой гигантскими пилонами из грубого бетона, грохотал транспорт. Судя по возросшему потоку машин, приближался час пик.

Кто-то свистнул, залаяла собака. Ральф потащил Сару к подъездной дороге. Три грузовика дали задний ход и направились в обратную сторону, как было заранее условлено. Они исчезли из виду, готовые влиться в поток транспорта на эстакаде. Остались только мужчины на подъездной дороге и лошади, которые выпускали пар из ноздрей и грациозно перебирали копытами. На месте их удерживали за голову. В ярко-красной двуколке позади серой лошади, скорчившись, сидел Саль. Скрестив ноги, держа ненатянутые вожжи в одной руке, он посто-

янно оглядывался назад в ожидании сигнала. Сара смотрела на него, на его широкую уверенную улыбку, на глаза, которые, казалось, все знали. Ральф, стоящий рядом, снова закурил сигарету и прошептал: «Ну, ну же, ну...»

Теперь все взгляды устремились на машины на эстакаде. Мужчины перешептывались. Поток не останавливался.

– Бьюсь об заклад, это Донни пришлось взять на прицеп. Он не уплатил чертов автомобильный налог.

Кто-то засмеялся. Напряжение разрядилось.

Потом послышался крик, и над их головами, едва видный, показался пикап кого-то из приезжих с мигающими аварийными огнями, просвечивающими через защитное ограждение. Кто-то скомандовал: «Вперед!» И, сделав одно плавное движение, обе лошади тотчас оказались на подъездной дороге. Колеса двуколок почти соприкасались. Ездоки наклонились вперед, зажав хлыст в поднятых руках, и помчались по пустой части дороги.

– Жми, Саль! – заорал Ральф срывающимся от возбуждения голосом. – Давай!

Сара почувствовала, как он схватил ее за рукав и потянул к пикапу Винсента. Двигатель уже работал, и они были готовы пуститься вслед за лошадьми, которые почти скрылись из виду.

Ральф помог ей запрыгнуть, и тут она услышала гудки стоящих на месте автомашин и визг тормозов. Вцепилась в поручни на заднем стекле, ветер гудел в ушах.

– Он его сделал! – орал Ральф. – Обогнал!

Она увидела серую кобылу, бегущую рысью – слишком, неестественно, сверхъестественно быстро. Увидела гримасу на лице приезжего. Он нахлестывал свою лошадь, заставляя ее бежать еще быстрее. Крепко выругался, и лошадь на короткий миг пустилась в галоп, что вызвало бурное возмущение Мальтийца.

– Не сдавайся, Саль! Сделай его!

Затаив дыхание, Сара смотрела, как напрягся каждый мускул маленькой смелой кобылки, чтобы не сбавлять скорости. Ее копыта едва касались дороги. «Не сдавайся», – пожелала Сара, страшаясь, что та проиграет, достанется приезжим и пропадет на каком-нибудь поросшем бурьяном пустыре с черно-белыми полукровками и сломанными тележками из супермаркетов. Она почувствовала единение с лошадкой, борющейся за выживание среди криков, пота и шума. Давай!

Потом раздался победный крик, и все было кончено. Лошади исчезли с эстакады так же молниеносно, как появились. Грузовики, преграждавшие путь, разъезжались, застрявшие машины устремились вперед. Пикап Винсента свернул налево с подъездной дороги. Машину подбросило на выбоине, и Сара больно ударилась коленями и локтями о борт, ее школьная сумка открылась, учебники высыпались, шелестя страницами. Она подняла голову и увидела Салю: он спрыгивал с двуколки на ходу, его маленькая лошадка продолжала бег. Он победно вскинул руку, друзья приветствовали его, ударяя ладонями о его ладонь. Сара с Ральфом смеялись и обнимались, зараженные всеобщим сумасшествием и победой Салю.

Еще несколько недель серая кобылка будет в безопасности, на дворе Ковбоя Джона.

– Я поставил фунт! – кричал Ральф с покрасневшим от возбуждения лицом, хватая Сару за рукав школьного пиджака. – Пошли! Саль сказал, что угостит нас всех завтраком, когда вернемся на двор.

Сара приехала в конюшню после школы, Папá уже был там. Он находился в стойле у Бо – нагибаясь и приседая, наводил зеркальный блеск на крупе коня. Еще не видя его, Сара услышала, как он тяжело дышит, и, прежде чем он обернулся, заметила пятна пота на его безукоризненно отутюженной рубашке. Папá никогда не брался за дело, если его нельзя было сделать идеально. Годы военной подготовки не прошли даром.

Ковбой Джон стоял, прислонясь к косяку двери стойла, и пил из кружки чай цвета лака. Он никогда особо не усердствовал, но тем не менее двор был всегда в порядке.

– Наша циркачка пришла, – сказал он.

Ральф, опиравшийся о круп черно-белой верховой лошади с массивной головой, подмигнул ей.

– Автобус опоздал. – Сара пристроила школьную сумку на кипу сена.

– Она забыла свою балетную пачку, – сострил Ковбой Джон.

– Результаты контрольной по математике уже известны? – спросил Папá.

– Двенадцать из двадцати. – Сара помахала тетрадкой, надеясь, что он не заметит следы от шин и грязь на обложке.

Она встретила взглядом с Ральфом, у него вдруг случился приступ кашля.

– Я говорил, что Мальтиец Саль купил и продал черную лошадь сегодня, ту, что досталась ему от итальянцев из Нортхолта?

Дед положил руку на грудь Бо, и конь послушно отступил назад.

– Иноходца?

Саль беспрестанно покупал и продавал рысаков.

Ковбой Джон кивнул:

– За ней приходили сегодня днем.

– Новому хозяину повезет, если ему удастся расшевелить эту лошадь, – заявил Ральф. – Она бежит, как кривоногий ковбой на шпильках.

– Но продавал он ее, словно это был Буцефал. – Ковбой Джон изобразил, как конь мотал головой. – Лошадь вышла из стойла, будто ей предстояло участвовать в дерби Кентукки.

– Но как... – начала Сара.

– Он засунул ей в ухо стеклянный шарик, – перебил ее Ральф.

Ковбой Джон замахнулся на него шляпой:

– Ты подслушивал?

– Вы сами говорили всем и каждому, кто проходил мимо сегодня утром!

– Лошадь мотала головой как сумасшедшая. На вырученные деньги он купил двух. Их привезут в субботу. Обе для бегов.

Сара знала, что Папá не одобряет старых трюков дельцов. Он делал вид, будто не слушает.

Ральф вынул изо рта жевательную резинку и приклеил ее на дверь стойла.

– Помните, когда вы продавали ту старую пегую лошадь с белой гривой итальянцу с болот, вы засунули ей в зад кусок имбиря, чтобы слегка ее расшевелить.

Шляпа Ковбоя Джона снова полетела в сторону Ральфа.

– Понятия не имею, как он туда попал! – заявил он в свое оправдание. – С лошастью все было в порядке. Вы, ребята, порочите мою репутацию. Тебе еще повезло, что я не прогнал тебя со двора, принимая во внимание твой поганый язык. Ты в школе должен быть. Почему ты, черт побери, в школу не ходишь...

Он направился к воротам, бормоча себе под нос, потом громко крикнул проходящей мимо рыжеволосой женщине средних лет:

– Миссис Парри! Это вас я видел вчера по телевизору?

Женщина не остановилась. Стоя у ворот, он снял шляпу и помахал ею, пытаясь привлечь внимание:

– Это были вы! Точно вы!

Озадаченная, она замедлила шаг и слегка повернула голову.

Ральф застонал:

– В телешоу «Новая топ-модель Британии»! Ну вот, видите, вы улыбаетесь. Я знал, что это вы. Яиц купить не хотите? А еще у меня есть прекрасные авокадо. Целый ящик. Хотите? Нет? Вы еще вернетесь, слышите? Когда этот модельный контракт закончится. – Улыбаясь, он

вернулся к аркаде железнодорожного моста. – Эта миссис Парри с почты такая... кисонька. – Он не сразу подыскал нужное слово. – Ах, была бы она лет на двадцать моложе...

– Она подавала бы вам ходунки, – продолжил Ральф.

Папá промолчал и снова принялся чистить лошадь сильными отрывистыми движениями. Бо не раз приходилось напрягаться под давлением его руки.

Ковбой Джон сделал большой глоток чая из кружки.

Сара любила такие дни, как этот, когда сонные лошади грелись на солнышке, а мужчины перебрасывались безобидными шутками. Здесь она не так болезненно ощущала отсутствие Нанá. И чувствовала себя на своем месте.

– Дочка, я вот все говорю твоему деду. Потому он так и останется без новой подружки. Только поглядите!

Она проследила за его взглядом в сторону Папá, который орудовал щеткой на лоснящихся боках Бо. Ковбой Джон вытянул руки и сделал плавное движение в воздухе, подмигивая ей:

– Я говорю, Капитан, женщины любят нежное обращение, руки должны двигаться медленно.

Папá бросил на него сердитый взгляд, потом вернулся к делу.

– А я-то думал, французы – отличные любовники, – добавил Ковбой Джон.

Дед пожал плечами и выбил пыль из щетки.

– Джон, если ты не понимаешь разницы между занятием любовью и чисткой лошади, неудивительно, что твои лошади совсем запутались.

Парни прыснули со смеху. Сара улыбнулась, хотя прекрасно знала, что ей не полагалось подавать вид, будто она поняла смысл шутки. Потом сделала серьезное лицо: Папá велел ей сбегать за шапкой.

Солнце садилось над железнодорожным мостом и эстакаде под ним. Был час пик, и вокруг парка образовался затор. Водители с интересом смотрели на то, что происходило на траве.

Сара не обращала на них внимания. Папá стоял рядом, вытянув руки, помогая Бо накопить внутреннюю энергию, которая поднимет его.

– Сиди прямо, – сказал он тихо. – Все дело в посадке, Сара. Держи ногу на... но помни о посадке, когда едешь, *comme ça*²⁵.

Сара вспотела от усилий. Краем левого глаза она видела хлыст в руке Папá, но он ни разу не коснулся блестящей гнедой шерсти Бо. Сара почувствовала, как под ней копится сила. Она старалась сидеть неподвижно, опустив ноги вдоль боков лошади, смотря прямо перед собой, между ее остроконечных ушей.

– Non²⁶, – повторил он. – Вперед. Пусти его вперед. Попробуй еще раз.

Почти сорок минут они работали над пиаффе. От пота форменная рубашка прилипла к спине, разгоряченную голову припекало солнце. Вперед рысью, потом остановка, потом снова рысью, чтобы Бо мог пуститься рысью с места, двигаясь ритмично. После этого можно будет переходить к более сложным элементам, к которым, как Папá постоянно ей повторял, она пока еще не готова.

Несколько месяцев назад она упросила его показать с земли, как можно убедить Бо выполнить левую, балансирование на задних ногах, когда лошадь встает на дыбы. Саре не терпелось, сидя верхом, выполнить фигуры, которые смогут оторвать ее от земли, – курбет и каприоль. Но Папá не разрешил. Надо тренироваться с земли, снова и снова. И конечно же,

---

²⁵ Вот так (*фр.*).

²⁶ Нет (*фр.*).

никакой левады в общественном парке, где полно зевак. Что она хочет этим показать? Что Бо – цирковая лошадь? Она знала, что он прав, но иногда тренироваться было так скучно. Как будто застрял на одном месте навсегда.

– Можно сделать перерыв ненадолго? Мне так жарко.

– Как ты собираешься достичь результатов, если не будешь тренироваться? Нет. Continue²⁷. Он начинает понимать.

В молчаливом протесте Сара выпятила нижнюю губу. Спорить с Папá было бессмысленно, но у нее было такое чувство, будто она делает одно и то же несколько часов кряду. Вспомнилась маленькая серая кобылка. По крайней мере, у той была цель.

– Папá...

– Сосредоточься! Прекрати разговоры и сосредоточься на своей лошади.

Мимо пробегали два ребенка. Один крикнул: «Поезжай на нем, ковбой!»

Она смотрела между ушей Бо. Узкая щель, мокрая от пота.

– И вперед. Поощри его.

Она пустила лошадь вперед, потом подала назад, пытаясь дать ей возможность перенести вес, слегка потянув поводья.

– Non! Ты опять заваливаешься вперед.

Она упала на шею лошади, испустив крик:

– Вовсе нет!

– Ты посылаешь ему противоречивые сигналы. – Папá недовольно поморщился. – Как он может тебя понять, если твои ноги говорят ему одно, а попа другое?

Она закусила губу. Ей хотелось закричать: «Зачем мы все это делаем? Мне никогда не сделать так, как ты хочешь! Это просто глупо!»

– Сара, сосредоточься.

– Я сосредоточена. Он слишком разгорячился и разволновался. Он больше меня не слушает.

– Он знает, что ты меня не слушаешь. Поэтому не слушает тебя.

Всегда была виновата она. Лошадь – никогда.

– Ты сидишь сомме ça, приучаешь его не слушать тебя.

Ей было очень жарко.

– Ладно. – Она взяла уздечку в одну руку и соскользнула с лошади. – Если я никуда не пожусь, покажи сам.

Она стояла на твердой почве, сама пораженная своим непослушанием. Она редко возражала Папá.

Он прожигал ее взглядом, и она чувствовала себя нагадившей собачонкой.

– Je m'excuse²⁸, – резко сказала она.

Она ждала, не зная, что он сделает. Дед быстро подошел к Бо, с небольшим усилием вставил левую ногу в стремя, подпрыгнул и плавно приземлился на спину коня. Бо дернул ушами, озадаченный непривычным весом. Папá ничего ему не сказал. Он перекинул стремяна через седло, чтобы ноги могли свешиваться свободно. Затем, до невозможности выпрямив спину, без всякого участия рук направил Бо по большому кругу. Затем послал Бо сигнал к действию.

Заслоняя ладонью глаза от солнца, Сара смотрела, как ее бабушка, которого она до этого и не видела верхом, каким-то неуловимым движением попросил коня сделать что-то, чего тот не знал, и Бо, с белой пеной у рта, стал поднимать ноги все выше и выше, стоя на месте. У Сары перехватило дыхание. Папá был похож на всадников из видео. Казалось, он ничего не делал,

---

²⁷ Продолжай (фр.).

²⁸ Извини (фр.).

а результат говорил об обратном. У нее сжались кулаки, и она засунула руки в карманы. Бо так сильно напрягся, что по его мускулистой шее струился пот. При этом казалось, что Папá ничего не делает, а копыта Бо тем временем ритмично застучали по коричневой потрескавшейся земле. Неожиданно он стал раскачиваться, переходя на легкий галоп тер-а-тер. И потом вдруг раздался крик «но!», и она попятилась, а Бо поднялся на задние ноги, аккуратно подогнув передние. Мышцы на крупе подрагивали: он изо всех сил пытался удержать равновесие. Левада.

Кто-то на тротуаре крикнул: «Во дает!» – и Сара услышала, как люди у нее за спиной озабоченно переговаривались. А потом конь опустился. Папá ловко спрыгнул, перекинув ногу через седло. Только темные пятна на голубой рубашке выдавали напряжение.

Он что-то прошептал лошади, огладив ее шею, видимо выражая благодарность, потом протянул уздечку Саре. Ей хотелось спросить, как он это сделал, почему он больше не занимается верховой ездой, если может так. Но он заговорил прежде, чем она подобрала слова.

– Он слишком старается, – сказал дед пренебрежительно. – Слишком напряжен. Нужно сбавить обороты, чтобы он меньше волновался по поводу сохранения равновесия.

Группа женщин сидела на траве, наблюдая за происходящим с безопасного расстояния. Они ели фруктовый лед на палочке, задрав юбки и обнажив загорелые ноги.

– Покажите еще, – попросила одна.

Сара не могла опомниться от того, что видела.

– Хочешь, чтобы я продолжила? – спросила она.

Папá погладил шею Бо.

– Нет, – ответил он тихо. Потом утер лицо рукой, и она была мокрой от пота. – Нет, он устал.

Она отпустила поводья, и благодарный Бо вытянул шею.

– Садись. Домой пора.

– Там тележка с мороженым, – сказала она с надежной, но, похоже, он ее не слышал.

– Не расстраивайся. – Дед пошел с ней рядом. – Иногда... иногда я хочу слишком многого. Он молод... Ты молода... – Он дотронулся до ее руки, и Сара поняла, что это признание вины.

Они сделали круг по парку, чтобы Бо мог растянуть и расслабить мышцы, потом направились по дорожке к воротам. Папá погрузился в свои мысли, и Сара не знала, что сказать. Перед глазами все еще стояла картина дедушки верхом. Она никогда раньше не видела его таким. Знала, что Папá когда-то был одним из самых молодых наездников в Кадр-Нуар. Нанá рассказывала, что двадцати двум юношам разрешалось носить черную форму с золотыми галунами: знак мастерства. Большинство уже представляло свою страну на международном уровне – в выездке, в скачках по пересеченной местности или в конкуре. Но Папá проделал трудный путь, прежде чем попасть в школу: он служил в кавалерии, пока не добился, чтобы его, крестьянина из Тулона, приняли в классическую школу, где учились по преимуществу выходцы из высших слоев общества.

Нанá рассказывала Саре, держа в руках фотографию, на которой они были вместе. Когда бабушка увидела его в первый раз, он показался ей таким красивым на своем коне, что у нее чуть не остановилось сердце и она едва не потеряла сознание. Она не интересовалась лошадьми, но каждый день приходила и стояла у самой арены, чтобы, позабыв обо всем, смотреть на мужчину, который, позабыв обо всем, был сосредоточен на чем-то, о чем она даже не имела представления.

Теперь Сара знала, что имела в виду Нанá, вспоминая, как он просто сидел в седле, а Бо понимал, о чем его просят, словно читал мысли всадника. Она видела чудо.

Кивнув и помавав рукой сторожу у ворот, который никогда не запрещал ездить в парке, они пошли по дороге к дому. Копыта Бо постукивали по гудронному покрытию, он тяжело переступал ногами.

Наконец, когда они пересекли проспект и вышли на улицу, ведущую к конюшне, Папá прервал молчание:

– Джон сказал, что подумывает продать заведение.

Он назвал Джона по имени вместо обычного «сумасшедший ковбой», и она поняла, что дело серьезное.

– А где же будет Бо?

– Он говорит, нам не нужно искать новое место. Конный двор останется конным двором.

Месяца не проходило, чтобы Ковбою Джону не предлагали съехать за большие деньги. Иногда суммы были так неправдоподобно велики, что вызывали у него смех. Он всякий раз отказывался, спрашивая у потенциального покупателя, куда он денет своих лошадей, кошек и кур.

Папá покачал головой:

– Он говорит, кто-то из местных интересовался, обещал оставить все по-старому. Не нравится мне это. – Он остановился, чтобы утереть лицо, и выглядел растерянным. – Яйца у нас есть?

– Есть, я тебе уже говорила, Папá. Они на дворе.

– Это все жара.

Воротничок его рубашки потемнел от пота. Когда он ехал верхом, то потел не так сильно. Он схватился за шею коня, словно искал опору, и погладил его по гриве, что-то ему нашептывая.

Впоследствии она решила, что должна была заметить, как изменилось его настроение, как он не пожурил Бо, когда тот не остановился у края тротуара: он всегда настаивал на том, чтобы конь стоял неподвижно, получив команду остановиться. Мимо проехали два грузовика, и водитель сделал неприличный жест. Папá стоял к ней спиной, и она ответила водителю тем же. Некоторые мужчины считали, что если девушки ездят верхом, то они испорченные.

Они свернули на более тихую улицу и оказались под приятной тенью каштанов. Бо нагнул голову, подталкивая дедушку в спину, будто хотел привлечь внимание, но Папá, казалось, этого не почувствовал. Он снова отер лицо, потом руку.

– Вечером будет омлет. Omelette aux fines herbes²⁹.

– Я приготовлю, – вызвалась Сара.

Они переходили через улицу, ведущую на двор, и она поблагодарила жестом водителя, который остановился, чтобы их пропустить.

– Можно еще сделать салат.

– Берешь яйцо... – Папá выпустил уздечку из рук и закатил глаза.

– Что?

Но он ее не слышал.

– Надо присесть...

– Папá? – Она посмотрела на машину, которая ждала, когда они перейдут.

Они все еще были посередине дороги.

– Все ушли, – прошептал он.

– Папá! – крикнула она. – Надо перейти улицу.

Бо нервничал, перебирал копытами по булыжнику, оглядывался назад, дергая головой. Впереди дедушка Сары медленно оседал на мостовую, словно сворачивался калачиком на кро-

---

²⁹ Омлет с приправами (фр.).

вати, кренясь вбок. Водитель машины нетерпеливо просигналил, потом, видимо, понял: что-то случилось, и стал пристально смотреть через ветровое стекло.

Все вокруг происходило как в замедленной съемке. Сара спрыгнула с лошади, мягко приземлившись на ноги.

– Папá! – закричала она и потянула его за руку, не выпуская уздечки.

Его глаза были закрыты: казалось, он напряженно думал о том, что происходило у него в голове. Он не слышал ее, как бы громко она ни кричала. Лицо перекошилось на одну сторону, будто кто-то его сдвинул. И эта странная искаженность напугала Сару, поскольку она привыкла видеть дедушку всегда собранным и сдержанным.

– Папá! Вставай!

От ее голоса Бо стал перебирать ногами и тянуть ее.

– С ним все в порядке? – крикнул кто-то с противоположной стороны улицы.

С ним не было все в порядке. Она это видела.

Потом, когда водитель выбрался из машины и быстрым шагом подошел к дедушке, она, пытаясь удержать взволнованную лошадь, завопила во всю мочь срывающимся от страха голосом:

– Джон! Джон! Помогите!

Последним ей запомнился Ковбой Джон, чья медлительность вмиг улетучилась, как только он увидел, что происходит. Он бежал к ней и что-то кричал, но она не могла разобрать слов.

Уборщик медленно двигался по линолеуму, двойные щетки полотера издавали ровное гудение. Ковбой Джон сидел на жестком пластмассовом стуле рядом с девочкой и смотрел на часы: в сорок седьмой раз. Они провели здесь уже почти четыре часа, и только одна медсестра подошла удостовериться, что Сара в порядке.

Ему уже давно надо быть на дворе. Животные, надо думать, проголодались. Пришлось запереть ворота, поэтому завтра предстоит давать отпор Мальтийцу Салю и ребятишкам, которые не смогли попасть внутрь.

Но оставить ее он не мог. Она ведь совсем ребенок. Сара сидела неподвижно, сцепив руки на коленях, на бледном лице было сосредоточенное выражение, будто она усилием воли заставляла дедушку поправиться.

– Ты в порядке? – спросил он. – Может, кофе принести?

Уборщик медленно прошел мимо. Взглянул украдкой на шляпу Ковбоя Джона и направился в сторону кардиологического отделения.

– Нет, – сказала она и прибавила тихо: – Спасибо.

– С ним все будет хорошо, – в десятый раз заверил он. – Твой дед крепок, как старый ботинок. Сама знаешь.

Она кивнула, но без уверенности.

– Бьюсь об заклад, сейчас кто-нибудь выйдет и скажет нам, как обстоят дела.

Она чуть поколебалась и снова кивнула.

И опять потянулось ожидание. Медсестры в пластиковых фартуках сновали мимо и не обращали на них никакого внимания. Доносились гудки и гул каких-то аппаратов. Джон не мог забыть лицо старика: страдание и ярость в глазах, волевой подбородок, когда он падал, с явным ужасом осознавая, что с ним приключилось.

– Мисс Лашапель?

Сара была так погружена в свои мысли, что вздрогнула, когда к ней обратился доктор.

– Да. Он в порядке?

– Вы член семьи? – Доктор посмотрел на Джона.

– Можно и так сказать. – Тот встал.

Врач оглянулся на палату:

– Честно говоря, я не могу обсуждать эти вещи ни с кем, кроме...

– Можете положиться на меня, – заверил Джон. – У Капитана никого не осталось, кроме Сары. А я его старый друг.

Доктор сел на стул рядом. Он обращался к Саре:

– У вашего дедушки кровоизлияние в мозг. Инсульт. Знаете, что это?

Она кивнула:

– Вроде да.

– Состояние стабильное, но он немного не в себе. Не может разговаривать и ухаживать за собой.

– Но он поправится?

– Состояние стабильное, как я уже сказал. Важны следующие двадцать четыре часа.

– Можно его увидеть?

Доктор посмотрел на Джона.

– Мы оба хотели бы удостовериться, что с ним все в порядке, – твердо сказал Джон.

– Он подсоединен к большому количеству аппаратов. Вас это может шокировать.

– Она крепкий орешек. Как и ее дед.

Доктор посмотрел на часы:

– Хорошо. Идите за мной.

Видит бог, старик выглядел не лучшим образом. Казалось, он постарел на тридцать лет. Трубки, идущие из носа, закреплены на коже. Лицо серое и осунувшееся. Джон невольно закрыл рот ладонью. Аппараты вокруг сверкали неоновыми лампами, посылая друг другу приглушенные звуковые сигналы.

– Что они делают? – спросил Джон, чтобы нарушить молчание.

– Отслеживают сердечный ритм, кровяное давление и всякое такое.

– И он в порядке?

Ответ доктора был обтекаемым и, как подозревал Джон, бессмысленным:

– Как я уже сказал, большое значение имеют следующие сутки. Хорошо, помощь подошла вовремя. Это очень важно в случае инсульта.

Мужчины стояли молча. Сара придвинулась к краю кровати и осторожно села на стул, будто боялась потревожить больного.

– Если хотите, Сара, можете разговаривать с ним, – тихо сказал доктор. – Дайте ему знать, что вы рядом.

Она не заплакала. Не проронила ни слезы. Худая рука потянулась к руке старика и сжала ее. Но подбородок оставался решительным. Она была внучкой своего деда.

– Он знает, она здесь, – сказал Джон и удалился, чтобы оставить их наедине.

Когда они вышли на улицу, совсем стемнело. Джон ждал ее, куря одну сигарету за другой и меря шагами площадку, куда подъезжали машины «скорой помощи». На недовольные взгляды проходящих мимо медсестер он не обращал никакого внимания.

– Милашка, – заявил он какой-то из них, – ты должна сказать мне спасибо. Я обеспечиваю вас работой.

Он не мог обойтись без сигарет. Капитан всегда был сильным, всегда производил впечатление, что будет жить вечно, гордый и несгибаемый, крепкий как дерево, и надолго переживет Джона. Вид беспомощного старика, которому медсестры утирают слюни, привел его в содрогание.

Потом Джон увидел у вращающихся дверей Сару – руки в карманах, ссутулившуюся. Она заметила его не сразу.

– Эй! – сказал он, понимая, что она замерзла. – Возьми мою куртку. Тебе холодно. Она покачала головой, объятая своей болью.

– Если простудишься, не сможешь помочь Капитану. Кроме того, он обрушит на мою голову все французские ругательства, если я о тебе не позабочусь.

Она подняла подбородок:

– Джон, вы знали, что дед был наездником – я имею в виду, настоящим?

Джон не сразу нашел что сказать.

– Наездником? – Он театрально сделал шаг назад. – Конечно. Не могу сказать, что одобряю его манеры, но, черт побери, да, знал. Твой дед – настоящий наездник.

Она попыталась улыбнуться, но он видел, с каким трудом ей это давалось. Она позволила накинуть на ее плечи старую джинсовую куртку. И они пошли на автобусную остановку, старый ковбой и девочка.

Глава 5

При оценке необъезженного жеребенка единственным критерием, безусловно, может служить его тело, пока никаких явных признаков его темперамента выявить еще нельзя.

Ксенофонт. Об искусстве верховой езды

Вдоме горел свет. Выключая зажигание, Наташа смотрела на окна и пыталась вспомнить, не забыла ли погасить лампы утром. Она никогда не оставляла шторы открытыми, что означало «дома никого нет». Это было не так.

– О! – Она открыла входную дверь. – Не ждала тебя сегодня, ты собирался зайти несколько недель назад.

Вышло не слишком любезно, хотя и ненамеренно.

Мак стоял в прихожей с пачкой фотобумаги в руках.

– Прости. Закрутился на работе. Кое-что подвернулось. Я оставил тебе сообщение на телефоне днем, что зайду.

Она порылась в сумочке и достала телефон.

– Да, – сказала она, все еще наэлектризованная его присутствием. – Я не прочитала.

Они стояли лицом друг к другу. Мак здесь, в ее доме, в их доме. Волосы уложены немного по-другому, новая футболка. Проведя без нее почти год, он стал выглядеть получше, подумала она и ощутила угрызения совести.

– Мне потребовалось кое-что из оборудования. – Он кивнул назад. – Но не нашел его там, где думал.

– Я его переложила. – Наташа подумала, что снова не очень любезна, будто задалась целью стереть все следы его присутствия. – Оно наверху, в кабинете.

– А, вот почему я его не нашел. – Мак попытался выдавить улыбку. – И еще кое-какие папки, которые были здесь, внизу... и...

Она прошла в дом. «Мне было слишком больно смотреть на твои вещи, – мысленно ответила она. – Иногда, только иногда, хотелось взять большой молоток и разбить все на мелкие кусочки».

Она не подготовилась к этой встрече. Задержалась на работе, выпила слишком много кофе, зная, что не сможет уснуть. Макияж давно смазался. Она знала, что выглядит бледной и усталой.

– Я тогда посмотрю наверху, – сказал он. – Долго тебя не задержу.

– Да нет, что ты! Не торопись. Мне все равно... все равно нужно молока купить.

«Прости, – сказала она тогда. – Прости, Мак».

«За что?» – Он казался таким спокойным, благоразумным.

«Ты мне сейчас сказал, что ничего не случилось».

Он посмотрел на нее с недоумением: «Ты правда думаешь, что я уйду из-за него?»

Не слыша его возражений, она вышла из дому. Знала, что он проявляет вежливость. Вероятно, решил, что она вернулась поздно, так как встречалась с Конором. Но никогда бы не сказал – это было не в его духе.

Наташа не часто делала покупки в этом супермаркете, расположенном в не самой спокойной части ее района. Это был магазин, где покупателю иногда удавалось увести тележку с продуктами, не заплатив, а остальные выражали по этому поводу бурную радость. Но она села в машину, не успев подумать. Выключила телефон из страха или по рассеянности. Она просто не могла оставаться в этом доме.

Она стояла в молочном отделе, стараясь держаться подальше от бродяги, который что-то бормотал, обращаясь к замороженному йогурту. Наташа настолько погрузилась в свои мысли, что забыла, зачем она вообще здесь.

Мак, самый неподходящий человек для брака, по мнению ее родителей, слабое подобие того мужчины, за которого она когда-то вышла замуж, другая побитая половинка союза, который едва не сломал их обоих, снова находился в их доме.

Она так долго отказывалась думать о нем, а он облегчал ей эту задачу. Иногда казалось, он исчез с лица земли. В последний год их брака он так часто уезжал, что она чувствовала себя незамужней. Когда он появлялся, все настолько раздражало ее, что переносить одиночество было легче. Забирай то, что тебе надо, и проваливай, велела она Маку, почувствовав неприятное эхо темных дней, которые только-только стали забываться. Не хочу ничего этого. Не хочу вновь пережить хоть толику того, что пришлось пережить в прошлом году. Делай то, что тебе надо, и оставь меня в покое.

От мыслей ее оторвал какой-то шум в следующем ряду, ближе к кассам. Она прошла вдоль полок с крупами и злаками до конца прохода – посмотреть, что происходит.

Толстый чернокожий мужчина удерживал молодую девушку, на вид не старше шестнадцати. Она отчаянно вырывалась, волосы растрепались и упали на лицо, но он безжалостно сжимал ее руки.

– Все в порядке? – спросила Наташа, появившись из-за полок с овсяными хлопьями. Она обращалась к девушке; сцена привела ее в замешательство. – Я юрист, – объяснила она и только тогда заметила на груди у мужчины значок охранника.

– Вот и хорошо, – сказала кассирша. – Тебе скоро понадобится юрист. И звонить не пришлось.

– Я ничего не украла. – Девушка снова попыталась высвободиться.

В ярком неоновом свете ее лицо было бледным, глаза казались огромными и испуганными.

– Неужели? Рыбные палочки сами выпрыгнули из морозилки и заскочили к тебе в карман?

– Я их просто положила туда, пока выбирала другие продукты. Отпустите меня, пожалуйста. Поверьте, я ничего не украла.

Она была готова расплакаться. Наташа обратила внимание на то, что, в отличие от других подростков, она не грубила.

– Прошла мимо меня как ни в чем не бывало, – продолжала кассирша, – думаю, я дура полная.

– Может, она просто заплатит и дело с концом? – предложила Наташа.

– Это она-то заплатит? – пожал плечами толстяк. – У нее денег нет.

– Такие никогда не платят, – сказала женщина.

– Должно быть, я их обронила. – Девочка посмотрела на пол. – Я сюда больше не приду, ладно? Разрешите мне поискать деньги, пока их не нашел кто-нибудь другой.

– Сколько они стоят? – Наташа открыла бумажник. – Эти рыбные палочки?

Кассирша удивленно подняла брови.

Наташа устала. Но ей не хотелось возвращаться домой, думая о несчастной девочке в лапах охранника.

– Будем считать это недоразумением. Я заплачу.

Оба смотрели на нее как на мошенницу, пока она не протянула пятифунтовую банкноту. После небольшого замешательства кассирша пробила рыбные палочки и протянула сдачу.

– Чтобы духу твоего здесь больше не было, воровка! – Она ткнула в девочку пропитанный никотином палец. – Поняла?

Девочка ничего не сказала. Высвободившись из хватки охранника, она поспешила к выходу, с рыбными палочками в руке. Двери открывались автоматически. Она вышла и скрылась в темноте.

– Это ж надо. – Лицо охранника блестело в неоновом свете. – Даже спасибо не сказала.

– Она воровка, это точно. На прошлой неделе приходила. Но в тот раз у нас не было доказательств.

– Если вас это порадует, она поест вкусно хоть раз на этой неделе, – сказала Наташа.

Она заплатила за молоко, взглянула на бродягу, который теперь спорил со стиральными порошками, и вышла на темную улицу.

Но не успела она сделать и нескольких шагов, как рядом возникла та девочка. Если бы Наташа была не так занята своими мыслями, то вздрогнула бы от испуга, но девочка протянула руку:

– Я нашла часть своих денег. Кажется, выронила из кармана.

В темноте Наташа увидела на ее ладони пятьдесят пенсов и несколько медных монет. Позже она вспомнит, что для этого возраста у девочки были слишком мозолистые руки.

Она уже сделала что могла и не хотела продолжения истории, поэтому не остановилась.

– Оставь деньги себе. – Наташа открыла дверцу машины. – Все в порядке.

– Я не воровка!

Наташа повернулась к девочке:

– Ты всегда покупаешь продукты на ужин в одиннадцать вечера?

– Мне нужно было кое-кого навестить в больнице. – Девочка пожала плечами. – Вернулась домой, а еды никакой нет.

– Где ты живешь?

Девочка оказалась моложе, чем Наташа сперва решила. Тринадцать-четырнадцать, не больше.

– В Сандауне.

Наташа бросила взгляд на растущий монолитный микрорайон, чьи башни-новостройки были видны даже отсюда. Он пользовался дурной славой. Она не знала, почему это сделала. Возможно, просто ей не понравилось, как он выглядит в темноте. Возможно, ей не хотелось возвращаться домой, к Маку, или, что еще хуже, если его там не будет. Вокруг бурлила городская жизнь: вдалеке были слышны клаксоны машин, двое мужчин на углу жарко спорили, их голоса были полны возмущения.

«Не верю, что ты такая непробиваемая, как кажешься, – тихим голосом заметил Конор. – Думаю, там скрывается совсем другая Наташа Макколи». – «Да, я полна неожиданностей», – ответила она. Даже для нее это звучало как вызов.

Мужчины на углу начали драться, молотя друг друга руками и ногами. Атмосфера пропиталась духом насилия. Послышалась ругань, потом топот – какие-то люди побежали к ним. В темноте мелькнул железный прут.

– Ты не должна ходить одна в такое позднее время. – Наташа быстрым шагом пошла к своей машине. – Давай я довезу тебя до дому.

Девочка изучала ее – офисный костюм, дорогие туфли. Потом оглядела машину. Вероятно, пришла к умозаключению, что человек, который ездит в старом надежном «вольво», ее не обидит.

– Блокировка двери со стороны пассажира не работает, – добавила Наташа, – если тебе от этого легче.

Девочка вздохнула, словно не в ее власти было что-то изменить, и села в машину.

Едва выехав с парковки, Наташа пожалела, что ввязалась во все это. Повсюду, сбившись в группы, бесцельно слонялись молодые люди, некоторые развлекались тем, что ездили на вело-

сипедах на одном заднем колесе, другие курили, бросали окурки на землю и задирали друг друга, выкрикивая оскорбления.

– Ты так и не сказала, как тебя зовут, – заметила Наташа.

– Джейн, – поколебавшись, ответила девочка.

– Давно здесь живешь?

Та кивнула.

– Ничего страшного, – тихо добавила она, собираясь открыть дверцу.

Наташа хотела домой, в свою безопасную, приятную гостиную. В покой своего уютного дома, с душевной музыкой и бокалом красного вина. В свой собственный мир. Опыт подсказывал ей, что следует развернуться и уехать прочь. Такие жилые комплексы были территорией подобных парней. Некоторые редко выходили за его границы дальше чем на милю или две. И испытывали жгучий, чуть не дикий интерес к тому, что происходит в их вотчине. Наташа знала, что ее машина и костюм выдавали в ней представительницу среднего класса, чужую здесь, в этом мире, намного более жестоком и тяжелом, хотя ее мир находился совсем близко, буквально на соседних улицах. Но потом она посмотрела на бледную худенькую девочку рядом. Кто способен вышвырнуть ее из машины, не проводив до двери?

Она украдкой сняла обручальное кольцо и сунула в задний карман вместе с кредитками. Если вырвут сумочку, то ворам достанется только немного наличных.

– Все в порядке. – Джейн, оказывается, наблюдала за ней. – Я их знаю.

– Я тебя провожу, – сказала Наташа с невозмутимой профессиональной интонацией, которую использовала со всеми несовершеннолетними клиентами. Потом, увидев, что девочка погрузилась, добавила: – Не волнуйся. Я не скажу о том, что случилось. Уже поздно, и я хочу убедиться, что ты добралась в безопасности.

– Только до двери.

Они вышли из машины. Наташа несколько больше обычного выпрямила спину, ее каблучки решительно застучали по дорожке, заляпанной комками жевательной резинки.

Когда они подходили к подъезду, мимо на одном заднем колесе проехал парень. Наташа чуть не вздрогнула. Девочка не подняла головы.

– Это новая цыпочка твоего деда, да, Сара?

Он нацепил на голову капюшон и скрылся, заливаясь веселым смехом. Его лицо белело в тусклом свете уличных фонарей.

– Сара?

Лифты не работали, и они поднялись на третий этаж пешком. Лестница была до боли знакомой: граффити на стенах, запах мочи, повсюду разбросаны коробки из дешевых ресторанов, от которых пахло старым жиром или рыбой. Из открытых окон неслась громкая музыка, и внизу сработала автомобильная сирена. Через секунду Наташа поняла, что это не ее машина.

– Ну вот, пришли, – сказала Сара. – Спасибо, что подбросили.

Впоследствии Наташа не могла объяснить, почему она не ушла. Возможно, потому, что девочка назвалась не тем именем. Возможно, потому, что она явно хотела от нее отделаться. И Наташа продолжала идти следом за спешащей девочкой. А затем они оказались у двери, и она остановилась. Девочка застыла в замешательстве, и Наташа поняла: дверь открыта не потому, что кто-то ее встречает. Дверь взломали монтировкой. Вокруг замка – щепки, в квартире горит свет.

На мгновение они замерли на месте. Потом Наташа шагнула вперед и распахнула дверь:

– Есть кто?

Неужели она думала, что взломщики откликнутся? Взглянула на Сару: та зажала рот рукой.

Кем бы ни были взломщики, их след давно простыл. Дверь вела в маленькую прихожую, откуда была видна гостиная, такая аккуратная, что беспорядок сразу бросался в глаза. На теле-

визионном столике не было телевизора. Дверцы кухонных шкафчиков распахнуты. В небольшом бюро выдвинуты ящики. На полу разбитая рамка. К ней Сара бросилась в первую очередь, подняла и бережно смахнула осколки с фотографии. На черно-белом снимке 1960-х годов – мужчина и женщина. Сара вдруг показалась совсем маленькой девочкой.

– Я позвоню в полицию. – Наташа достала из сумки телефон и включила.

Виновато отметила пропущенный вызов: Мак пытался до нее дозвониться.

– Бесплезно, – устало произнесла Сара. – Полиции наплевать на то, что здесь происходит. На прошлой неделе обчистили квартиру миссис О’Брайен, а полицейские сказали, что их и вызывать-то не стоило.

Сара сновала по комнатам – то уходила, то появлялась вновь.

Наташа вышла в прихожую и закрыла дверь на цепочку. Снизу доносились громкие голоса парней, и она пыталась не переживать за свою припаркованную машину.

– Что пропало? – спросила она, следуя за девочкой.

Дом приятно удивил ее своей опрятностью. Несколько приличных вещей. Сразу было видно, что здесь любили порядок.

– Телик. – У Сары задрожали губы. – Мой дивиди-плеер. Деньги, которые мы копили на отпуск.

Вдруг она что-то вспомнила и бросилась в другую комнату. Наташа слышала, как хлопнула дверь. Появилась Сара.

– Они ее не нашли! – На ее лице мелькнула улыбка. – Пенсионную книжку дедушки.

– Где твои родители?

– Мама здесь не живет. Я живу с Папá, моим дедушкой, – сбивчиво объяснила девочка.

– Где он?

Сара помедлила:

– В больнице.

– И кто же о тебе заботится? – (Сара промолчала.) – Как давно ты живешь одна?

– Недели две.

Наташа чертыхнулась в уме. В ее жизни столько всего происходило, столько всяких дел, которые она должна была уладить, а она взяла еще эту проблему себе на голову. Ей следовало выйти из супермаркета с пинтой молока, которое ей по большому счету не так уж было и нужно. А еще лучше – остаться дома и выяснить отношения с бывшим мужем.

Она набрала свой домашний номер.

– Черт побери, Таш, где тебя черти носят? – взорвался Мак. – Сколько времени требуется, чтобы купить молока?

– Мак, – мягко сказала она, – нужно, чтобы ты меня встретил. Возьми с собой инструменты. И мой портфель – мне необходимы записные книжки.

На ремонт их дома у Мака ушло четыре года. С точки зрения ее родителей, оно того стоило. Он штукатурил, слесарил, все делал сам, за исключением кровельных работ и кирпичной кладки. Даже принял участие в оформлении. Он умел работать руками и владел инструментами не менее виртуозно, чем фотокамерой. Наташа не обладала творческим воображением, а он видел результат еще до того, как тот проявится: форму комнаты, общую композицию или свой будущий снимок. Будто у него в голове было хранилище красивых образов, которые только и ждали, чтобы их воплотили в жизнь.

– Поставить новый замок в дверь не составит труда, – сказал он, посвистывая.

Наташа сразу поняла, что срочный вызов слесаря был девочке не по средствам, тем более что деньги, отложенные на отпуск, украли. Мак принес старый замок и установил его за полчаса.

– Криста? Это Наташа. – И потом, когда реакции не последовало. – Наташа Макколи.

– Привет, Наташа. Это я должна была тебе позвонить.

– Знаю. У меня ситуация, которая требует срочного вмешательства. Нужно найти временное пристанище для девочки-подростка.

Она сообщила факты.

– Ничего не могу предложить, – сказала Криста. – Совершенно ничего. У нас четырнадцать беспризорных детей, нуждающихся в убежище, которые прибыли вчера утром, и все места в приемных семьях заняты. Я весь вечер вишу на телефоне.

– Я...

– Хочу, чтобы ты знала, пока не начала оформлять документы: единственное место, куда я могу ее устроить на ночь, – это местное отделение полиции. Чтобы не терять время свое и судьи, советую доставить ее прямо туда. Может быть, завтра ситуация улучшится. В чем я сомневаюсь.

Когда она вернулась в гостиную, Мак закончил работу. Он прихватил с собой железный прут – один бог знает, где он хранил все свои причиндалы, – и укрепил им дверной проем.

– Теперь никто не влезет, – заверил он, собирая инструмент.

Наташа улыбнулась ему, благодаря за практичность, а еще за то, что он ни словом не упрекнул по поводу вызова среди ночи. Она сидела на диване рядом с Сарой. Мак изучал фотографии в рамках – первое, что он делал в незнакомом доме.

– Так это твой дедушка?

– Он когда-то был капитаном в армии. – Сара комкала в руках бумажный платок и говорила тихо.

– Потрясающая фотография! Глянь, Таш. Какие мускулы у этой лошади!

Он налаживал отношения с людьми как фотограф. И мог легко установить контакт практически с любым. Наташа сделала вид, что под впечатлением, но думала только, как сказать Саре, что ей придется провести ночь в камере полицейского участка.

– Ты собрала сумку? – спросила она. – Школьную форму?

Сара похлопала по сумке рядом. Она выглядела слегка растерянной, и Наташа напомнила себе, что девочка ничего не знает о людях, которые неожиданно вторглись в ее жизнь. Было половина первого ночи.

– Итак, куда вас доставить, юная леди? – спросил Мак, обращаясь скорее к Наташе.

Наташа сделала глубокий вдох:

– Выдалась трудная ночь. Придется найти тебе временное пристанище, пока не отыщется что-нибудь более подходящее.

Они смотрели на нее с надеждой.

– Я связалась со знакомыми. К сожалению, выбор не богат. Уже так поздно... и, учитывая количество нуждающихся...

– Так куда мы едем? – спросил Мак.

– Боюсь, сегодня мы должны отвезти тебя в полицейский участок. Потом что-нибудь придумаем, – заверила Наташа, увидев, что Сара побледнела. – Мест в приемных семьях нет. Даже коек в хостелах. И не предвидится в ближайшее время.

– В полицейский участок? – не веря ей, переспросил Мак.

– Других вариантов нет.

– С твоими-то связями. Ты всю жизнь посвятила подобным делам, заставляя органы власти заботиться о детях.

– Иногда кто-нибудь из них оказывается в полицейском участке. Это временно, Мак. Криста обещала найти что-нибудь для нее к утру. Она приедет в полицейский участок.

– Я не хочу в участок. – Сара помотала головой.

– Сара, ты не можешь оставаться здесь одна.

– Я туда не поеду.

– Таш, это чудовищно. Ей четырнадцать. Нельзя ей в полицейский участок.

– Другого выхода нет.

– Нет, есть, – возразила Сара. – Я ведь вам говорила. Со мной здесь ничего не случится. Повисла долгая пауза.

Наташа села, пытаясь сосредоточиться.

– Сара, может быть, у тебя есть кто-нибудь еще? Школьные друзья, у кого можно переночевать? Другие родственники?

– Нет.

– Неужели нельзя позвонить твоей маме?

Ее лицо помрачнело.

– Она умерла. Остались только я и Папá.

Наташа посмотрела на Мака, надеясь, что он поймет.

– Такое не редкость, Мак. На одну ночь. Здесь ее оставлять нельзя.

– Тогда мы можем взять ее к себе. – (Ее удивило и то, что он сказал «мы», и само предложение.) – Я не собираюсь отправлять четырнадцатилетнюю девочку, которую только что ограбили, в полицейский участок, где она может оказаться рядом черт знает с кем, – добавил он.

– Там она будет в безопасности. Не обязательно, что ее поместят в камеру с другими. О ней позаботятся.

– Это не важно.

– Мак, я не могу взять ее домой. Это противоречит всем законам, всем предписаниям.

– Плевать на предписания! Если предписания говорят, что нельзя приютить маленькую девочку в теплом безопасном доме, а надо вместо этого поместить ее в камеру, то это хреновые предписания.

Мак редко употреблял нецензурную лексику. Наташа поняла, что он не шутит.

– Мак, мы не имеем статуса приемной семьи. Не будет считаться, что она в безопасности.

– Я проверен Бюро криминального учета. Пришлось пройти проверку, когда я начал преподавать в техническом колледже.

– Преподавать?

– У нас тебе будет лучше. – Он обернулся к Саре. – Мы можем позвонить дедушке и сообщить ему.

Она посмотрела на Наташу, потом на него:

– Наверное.

– Есть еще какие-нибудь процедурные причины, почему она не может остаться с нами? – Он произнес «процедурные» с сарказмом, будто Наташа специально выискивала такие причины.

Это моя работа, хотелось сказать Наташе. Если в адвокатской коллегии узнают, что я привечаю бездомных, мои профессиональные качества подвергнутся сомнению. Да я и не знаю эту девочку. Я ее встретила, когда она совершила кражу в супермаркете, и ее объяснения меня пока не удовлетворили.

Она смотрела на Сару, стараясь не думать об Ахмади, еще одном молодом человеке, который, казалось, был в бедственном положении. Все это подсказывало, что не надо принимать поспешных решений.

– Дайте мне пять минут.

Она прошла в спальню девочки и позвонила Кристе.

– Я убегаю! – сразу крикнула Криста, пока Наташа еще не успела ничего сказать. – Проблема в одном доме. Нужно кое-кого забрать.

– Не в этом дело, – торопливо сказала Наташа. – Криста, у меня возникли кое-какие обстоятельства. Девочка отказывается ехать в полицейский участок. Моему... Маку эта идея

тоже не нравится. Он прошел проверку Бюро криминального учета и считает, что она должна остаться на ночь с нами. – (Последовало долгое молчание.) – Криста?

– Вы друзья семьи этой девочки? Знакомы с ее родителями? Можно сказать, что они поручили вам опеку над ней?

– Нет.

Последовала еще одна долгая пауза.

– Вы хоть с ней знакомы?

– Впервые встретились сегодня вечером.

– И вас это не останавливает?

– Она такая... – Наташа запнулась, вспомнив супермаркет, – милая. Самостоятельная. Осталась одна, да еще и квартиру ограбили. Нелегко...

Криста молчала, похоже, она ей не верила. Она была знакома с Наташей почти четыре года, и ничто не предвещало, что та способна на такой поступок.

– Послушай, – наконец сказала Криста. – Лучший совет. Представь, что никакого разговора вообще не было. Никаких записей нет. Если вы считаете, что с ней будет все в порядке, если с вами ей будет безопаснее, если не хотите провести остаток ночи в отделении, мне вообще не обязательно до утра знать о ее существовании. Позвони мне утром.

Наташа захлопнула крышку телефона. Комната была опрятной и содержалась в большем порядке, чем можно было ожидать от девочки этого возраста. Повсюду были фотографии лошадей. Цветные плакаты – бесплатные приложения к журналам, – изображающие лошадей, скачущих галопом. На некоторых маленьких фотографиях была девочка, наверное Сара, с коричневой лошадью. Зеленые луга и бескрайние пляжи резко контрастировали с унылым видом за окном.

Наташа устала и на миг прикрыла глаза, потом вошла в гостиную. Мак и Сара замолчали и посмотрели на нее. Наташа заметила, что глаза Сары потемнели от усталости и переживаний.

– Сегодня ты переночуешь у нас. – Наташа натужно улыбнулась. – А завтра утром тобой займется социальный работник.

Сара тотчас уснула. Во время поездки она молчала, как будто только теперь осознала всю сложность положения. Мак, возможно, догадывался об этом и шутил, стараясь ее подбодрить. Наташа с трудом узнавала его: он был милым, заботливым, вежливым, так непохожим на человека, с которым она разговаривала в последний раз. Было больно видеть, что все лучшее в нем было предназначено не ей. Становилось легче, когда она вспоминала о его недостатках.

Пока они ехали, Наташа молчала, взволнованная присутствием Мака и девочки. Все казалось каким-то нереальным. Он был таким знакомым, но в то же время чужим. Будто оказался здесь случайно.

Она забыла, как он мог ладить с детьми. Опыта, кроме детей сестры, у них было мало.

– Комната для гостей готова? – спросил Мак, когда она отступила, впуская их в дом.

– На кровати коробки.

Это были его книги. Она разбирала его вещи, когда набралась смелости и смогла справиться с заданием. Мак был таким рассеянным, что она боялась, он все может перепутать.

– Я их уберу. Может, она хочет чего-нибудь выпить? – Он указал на Сару.

– Горячего шоколада? – предложила Наташа. – Или съешь чего-нибудь?

И сразу почувствовала себя глупой старой теткой, которая плохо представляет, чем теперь живет молодежь.

Сара покачала головой. Взглянула на гостиную через открытую дверь. Мак собрал свое фотографическое оборудование: на полу повсюду стояли коробки.

– У вас милый дом.

Наташа посмотрела на него чужими глазами: большой, шикарный, со вкусом обставленный. Свидетельство больших заработков и тщательного выбора. Заметит ли девочка следы того, что мужчина недавно покинул этот дом?

– Хочешь чего-нибудь? Или сразу поднимешься в комнату? Хочешь... я поглажу твою форму?

– Нет, спасибо. – Сара плотнее прижала к себе сумку.

– Тогда пойдем. На этаже есть ванная. Можешь ею полностью располагать.

– Надеюсь, ты не будешь возражать, – сказал Мак, когда она спустилась. – Я устроил постель на раскладном диване в кабинете.

Наташа ожидала этого. Не могла же она его выставить в такой час после того, что он сделал. Тем не менее мысль о том, что он будет ночевать под одной с ней крышей, ее беспокоила.

– Бокал вина? – спросила она. – Я точно не откажусь.

– И я тоже. – Он вздохнул.

Наташа разлила вино по бокалам и протянула один ему. Он сел на диван, она сбросила туфли и устроилась в кресле с ногами. На часах было без четверти два.

– Мак, тебе придется разбираться со всем этим утром. У меня слушание в суде.

– Что я должен сделать? – Похоже, у него не было срочных дел. Иначе не предложил бы. – Напиши, кому я должен позвонить или куда мне ее доставить. Пусть она выспится: ночь выдалась тяжелой.

– Не только для нее.

– Ужасный шок для девочки! Даже взрослому пришлось бы нелегко.

– Она молодец.

– Мы все правильно сделали. – Мак указал на лестницу. – Нельзя было оставить ее в таком положении.

– Конечно.

Они молча отпили из бокалов.

– Как живешь? – поинтересовалась она, когда молчание стало нестерпимым.

– Нормально. Ты хорошо выглядишь. – (Она удивленно подняла брови.) – Устала, конечно, но выглядишь хорошо. Прическа тебе идет.

Она поборолa желание поправить волосы. Ей всегда это хотелось сделать после слов Мака.

– Над чем работаешь? – спросила она, чтобы сменить тему.

– Преподаю три дня в неделю, в остальное время коммерческие проекты. Портреты. Немного путешествую. Честно говоря, совсем немного.

– Преподаешь? – Она пожала плечами, чтобы скрыть недоверие в голосе. – Мне показалось, я ослышалась.

– Мне нравится. На жизнь хватает.

Наташа задумалась. Много лет он отказывался от компромиссов. Когда заказы по рекламе иссякали, с презрением отвергал ее идею о преподавании. Не хотел связывать себя с чем-то, что могло бы помешать более интересным проектам, требовавшим свободы действий. Даже несмотря на то, что его вклад в семейный бюджет был либо велик, либо ничтожен. По большей части последнее.

Перед ней был повзрослевший Мак. Целеустремленный. Она почувствовала себя обманутой.

– Ну да. Я слегка разочаровался в коммерческих проектах. Преподавание не так плохо, как мне казалось. Похоже, студенты меня любят. – (Ничего удивительного, подумала Наташа.) – Буду продолжать, пока не пойму, что делать дальше. С точки зрения доходов – не

очень. – (Она напряглась.) – И... и придет время, когда нам, Таш, придется решать, что делать с домом.

Она знала, куда он клонит. Вечные финансовые разборки.

– Что ты имеешь в виду?

– Не знаю. Но не могу же я вечно жить на чемоданах. Уже почти год прошел.

Она долго смотрела в свой бокал. Значит, вот оно как. Она подняла голову, постаравшись придать лицу непроницаемое выражение.

– Все хорошо?

Она допила вино.

– Таш?

– Не могу сейчас думать об этом, – резко сказала она. – Слишком устала.

– Понятно. Может, завтра.

– Я уже говорила: у меня суд.

– Знаю, тогда как-нибудь в другой раз.

– Нельзя вот так свалиться с неба, ни с того ни с сего, и ожидать, что я продам свой дом!

– Наш дом, – поправил он. – И не делай вид, будто не ожидала ничего подобного.

– Последние полгода я даже не знала, где тебя носит.

– Можно было позвонить моей сестре и узнать, но ты предпочла, чтобы пыль осела.

– Чтобы пыль осела?

Он вздохнул:

– Таш, я не хочу ссориться. Просто хочу справедливости. Ты же всегда желала, чтобы я остепенился.

– Я все понимаю. Но сейчас слишком устала. У меня впереди тяжелый день. И если не возражаешь, давай займемся делом имущества в другой раз.

– Хорошо. Но хочу, чтобы ты знала: мне надо где-то жить, когда я в Лондоне. И если у тебя нет веских возражений, я бы хотел занять комнату для гостей, пока не решим окончательно, как быть.

– Хочешь поселиться здесь? – Наташа замерла, не веря своим ушам.

– Ну да.

– Шутишь?

– А что, так уж плохо было со мной жить? – Он улыбнулся.

– Но мы разошлись.

– Тем не менее половина этого дома принадлежит мне. И я нуждаюсь в крыше над головой.

– Мак, это невозможно.

– Я справлюсь, если ты справишься. Речь идет всего о нескольких неделях. Прости за бомбовый удар, но, если тебе не нравится, можешь снять себе другое жилье. Что касается меня, я дал тебе возможность единолично пользоваться домом почти целый год. У меня тоже есть права. – Он пожал плечами. – Да ладно. Дом большой. Это будет кошмар, только если мы сами его создадим.

Его спокойствие сбивало с толку. Он выглядел чуть ли не довольным.

Ей хотелось осыпать его проклятиями.

Запустить чем-нибудь ему в голову.

Хлопнуть входной дверью и отправиться ночевать в гостиницу. Но под ее крышей была четырнадцатилетняя незнакомая девочка, за которую она только что согласилась нести совместную ответственность.

Не сказав больше ни слова, Наташа вышла из комнаты и поднялась в спальню, которую перестала чувствовать своей. Трудновато будет агентам продать дом, в котором разбили голову владельца.

Глава 6

Как в случае с лошадьми, так и с людьми, дурной нрав легче излечить в раннем возрасте, а не когда он становится хроническим, если его неправильно лечили.

Ксенофонт. Об искусстве верховой езды

Девочка на фотографии радостно улыбалась родителям, которые держали ее за руки с двух сторон, словно собирались поднять в воздух. «Воспитание чужого ребенка, – было написано на плакате. – Поменяйте чью-то жизнь». Значит, не родители. В любом случае нет семейного сходства. Скорее всего, модели, которым заплатили, чтобы они изобразили счастливую семью.

Сару вдруг стала раздражать улыбка на лице девочки. Сидя в кабинете социального работника, она поерзала на стуле и выглянула в окно: были видны кусты и деревья муниципального парка. Ей нужно на Спеапенни-лейн. Ковбой Джон позаботится о Бо, если она не появится, но этого было мало. Ему нужна прогулка. Нужно продолжать тренировки.

Женщина перестала писать.

– Итак, Сара, мы теперь знаем подробности твоей истории и можем составить программу опеки. Постараемся найти для тебя временный дом, пока твой дедушка не поправится. Как ты на это смотришь?

Женщина говорила с ней, как если бы ей было столько же лет, сколько девочке на плакате. В конце каждого предложения интонация повышалась, как в вопросе, хотя никаких вопросов она не задавала.

– Я из команды приема и оценки оказания услуг детям. Посмотрим, как мы можем тебе помочь.

– Как это работает? – спросил Мак, сидевший рядом. – Есть семьи, которые... берут детей только на короткий срок?

– У нас в картотеке много приемных семей. Некоторые молодые люди, наши клиенты, остаются в такой семье всего на одну ночь. Другие могут задержаться на несколько лет. В твоем случае, Сара, будем надеяться, срок окажется коротким.

– Только пока твоему дедушке не станет легче, – добавил Мак.

– Конечно, – подтвердила женщина, слишком поспешно, как показалось Саре.

– Молодых людей, которые оказываются в такой же ситуации, что и ты, Сара, очень много, много и семей, которым нужна помощь. Ты не волнуйся.

За завтраком Мак и его жена разговаривали только с ней, но друг к другу не обращались. Она гадала: если они поссорились, то вдруг из-за нее? Она не помнит, чтобы Папá и Нанá когда-нибудь ссорились. Нанá шутила, что может поссориться с Папá, а он с ней – нет. Когда Папá сердился, он замолкал и лицо у него становилось каменным. Все равно что со статуей спорить, говорила бабушка с заговорщическим видом, словно это была шутка, известная только им двоим.

На глаза навернулись слезы, и Сара стиснула зубы, чтобы не расплакаться. Она уже жалела, что пошла с Маком и Наташей. Вчера вечером она была напугана, но теперь увидела, что ее жизнью распоряжаются люди, которые ее не понимают.

Женщина просматривала записи:

– Вижу, у твоей бабушки с дедушкой имеется распоряжение суда об определении места твоего жительства. Сара, ты не знаешь, где твоя мама? – (Девочка покачала головой.) – Можно спросить, когда ты видела ее в последний раз?

Сара бросила взгляд на Мака. Они с Папá никогда не говорили о матери. Было странно вывешивать белье семьи перед незнакомыми людьми.

– Она умерла, – с запинкой ответила Сара, испытывая немую ярость из-за необходимости об этом рассказывать. – Несколько лет назад.

На их лицах отразилось сочувствие. Но Сара никогда не скучала по матери: она скучала по Нанá. Мать никогда не дарила ей теплых объятий, не протягивала руки, в которые можно упасть. Это была лишь тень матери, беспорядочная и непредсказуемая. Сара помнила ранние годы как череду образов: какие-то чужие дома, сон на кушетках, звуки громкой музыки изда-лека, ссоры и еще странное чувство мимолетности. Потом, когда она стала жить с Нанá и Папá, пришли покой и упорядоченность. Любовь.

Женщина что-то записывала.

– Ты уверена, что нет друзей, у которых ты могла бы остановиться? Может быть, какая-нибудь семья?

В ее вопросах слышалась надежда, словно ей не хотелось заниматься Сарой. Но Сара вынуждена была признаться, что не знает никого, кто хотел бы пригласить ее к себе домой, да еще на неопределенное время. Она не пользовалась популярностью. Те немногие друзья, что у нее были, жили в таких же маленьких квартирах, как и ее собственная. Она не была ни с кем достаточно знакома, чтобы обратиться с такой просьбой, даже если бы захотела.

– Мне надо идти, – тихо сказала она Маку.

– Я знаю. Не волнуйся, я сообщил в школе, что ты опоздаешь. Сейчас важнее решить, что с тобой делать.

– А где, ты говоришь, сейчас находится твой дедушка? – улыбнулась женщина.

– В больнице Святой Терезы. Мне сказали, его должны перевести в другое место, но не знаю когда.

– Это мы выясним. Ваша связь не прервется.

– Я смогу навещать его каждый день? Как делала до этого?

– Пока не могу сказать. Все будет зависеть от того, куда мы тебя поместим.

– Что вы имеете в виду? – спросил Мак. – Разве это не будет где-нибудь поблизости от ее дома?

Женщина вздохнула:

– К сожалению, мы испытываем некоторые трудности и не всегда можем гарантировать клиентам, что они будут размещены поблизости от их дома, хотя нам бы этого очень хотелось. Но мы сделаем все возможное, чтобы Сара могла регулярно навещать дедушку, пока его не выпишут.

Сара слышала огромные паузы между словами женщины, дыры там, где должна быть уверенность. Она ясно представила себе, как живет в какой-то улыбчивой семье, далеко от Папá. И от Бо. Как она сможет заботиться о нем, если до него просто не доехать? Так не пойдет.

– Знаете что? – произнесла она, глядя на Мака. – Я могу сама позаботиться о себе. Если бы кто-нибудь мне помог немного, я бы прекрасно справилась, живя у себя дома.

Женщина улыбнулась:

– Мне жаль, Сара, но закон не позволяет нам разрешить тебе жить самостоятельно.

– Но я справлюсь. Меня ограбили, в этом проблема. Я должна быть рядом с домом.

– Мы сделаем все, что в наших силах, чтобы так было, – мягко сказала женщина. – А теперь пора в школу. Социальный работник встретит тебя после уроков и, надеюсь, отвезет в новый дом.

– Ничего не выйдет, – резко возразила Сара. – Мне надо быть в одном месте после школы.

– Если речь идет о кружке, мы можем договориться со школой. Уверена, они не станут возражать, если ты пропустишь занятие.

Сара пыталась сообразить, что можно им сказать. Что они сделают, если узнают про Бо?

– Хорошо, Сара. Если можно, несколько вопросов о религии. Это не займет много времени. Скажи, пожалуйста, к какому вероисповеданию ты могла бы себя отнести?

Голос женщины затих, и Сара заметила, что та смотрит на Мака. Тому явно было неловко. Он нервно ерзал, словно хотел поскорее отсюда уйти. По крайней мере, он знал, как она себя чувствовала. Вдруг Сара ощутила прилив ненависти к нему и его жене за то, что они втянули ее в это. Если бы она не была вчера так напугана, могла бы починить дверь сама. Ковбой Джон мог бы помочь. И жила бы у себя дома, собственной жизнью, встречалась бы с Бо два раза в день и ожидала возвращения Папá. Она бы справилась.

– Сара? Англиканская церковь? Католическая? Индуизм? Мусульманство? Другая?

– Индуизм, – сказала она с вызовом, а когда они посмотрели на нее с недоумением, повторила: – Индуизм.

И чуть не рассмеялась, увидев, что женщина записывает. Может, если она все запутает, они отпустят ее домой.

– И еще я убежденная вегетарианка, – добавила она.

По выражению лица Мака она поняла, что он помнит, как сделал ей сэндвич с беконом на завтрак, но понадеялась, что он ничего не скажет.

– Хорошо. – Женщина продолжала записывать. – Уже почти все. Мистер Макколи, если вы спешите, мы можем закончить без вас.

– И еще у меня клаустрофобия. Не могу жить, где надо пользоваться лифтом.

На этот раз женщина посмотрела на нее строго, и Сара догадалась, что сочувствия в ней было не так уж и много.

– Хорошо, – резко сказала она, – мне надо поговорить со школьным руководством и врачом. Если существуют объективные нужды или проблемы, они их подтвердят.

Мак что-то записывал.

– Ты в порядке? – тихо спросил он у Сары.

– Все отлично.

Он выглядел озабоченным. Как будто знал, что разрушил ее жизнь.

– Мои номера. – Он протянул Саре листок. – Если возникнут проблемы, звони, ладно? Помогу чем смогу. Все будет хорошо? – спросил он у женщины.

Она ему улыбнулась. Для Сары не прошло незамеченным, что многие женщины улыбаются Маку.

– Конечно. Мы стараемся, чтобы установленный порядок жизни наших клиентов не нарушался.

Мак встал, собираясь уходить. Протянул документы и личные записи, которые взял из квартиры.

– Береги себя, Сара. – Он помедлил, будто не был уверен, что надо уходить. – Надеюсь, ты скоро будешь дома.

Сара лягнула ножку стула и ничего не сказала. Она поняла, что молчание и бездействие – единственное оставшееся у нее оружие.

– Слава богу. Я думала, придется звонить мистеру Клик-Клик.

– Прости. Задержался.

Мак поставил сумки с камерами на пол. Поцеловал Луизу, арт-директора, повернулся к девушке у зеркала, которая яростно набирала эсэмэску, не обращая внимания на стилистов за спиной, накручивающих ее волосы на огромные керамические бигуди.

– Привет, я Мак. – Он протянул руку.

– Ой, привет! Сирена.

– Ты должен был быть здесь час назад. – Мария постучала по часам.

Джинсы сидели на ее бедрах так низко, что это было почти неприлично. Над ними два слоя воздушной темной материи искусно обтягивали красивую талию. Позади Марии кто-то возился с DVD-плеером.

– Просто решил дать тебе дополнительное время, чтобы ты могла завершить свои магические манипуляции, милая. – Мак поцеловал девушку в щеку и скользнул рукой по ее обнаженной спине. – Тогда я готовлю сцену, хорошо? Луиза, хочешь пройти со мной по сценарию еще раз?

Луиза объяснила, какое выражение лица и обстановку они хотели бы видеть в кадре с молодой актрисой; костюмерша внимательно слушала и кивала. Мак тоже кивал; казалось, он был целиком поглощен процессом, но на самом деле мысленно все еще был в отделе опеки над детьми. Он сбежал по ступеням унылого здания сорок минут назад, не ощущая ожидаемого облегчения. Сара выглядела совершенно несчастной. Она все больше съеживалась по мере того, как до нее доходило, насколько изменится ее жизнь. Он собирался спросить у Таш, когда они готовили завтрак в гнетущей тишине, нельзя ли оставить девочку у себя, но, не успев сформулировать вопрос, понял, насколько это абсурдно. Таш ясно дала понять, что, если девочка останется, это подорвет ее профессиональную репутацию и что его присутствие в доме для нее невыносимо. Он даже не чувствовал этот дом своим. Как он мог навязывать ей присутствие чужого человека?

– Много красного. Очень смело. Мак, это должна быть фотодекларация. Это не просто очередная молодая старлетка, а серьезная актриса завтрашнего дня, молодая Джуди Денч, Ванесса Редгрейв, только менее политичная.

Мак взглянул на Сирену, которая хихикала, читая эсэмэску, и подавил вздох. Он потерял счет исключительным молодым старлеткам, которых снял за последние десять лет. И только две из них пережили всплеск первоначального интереса и получили роли в комедии положений.

– Ну вот. Получай. – Мария, с кисточкой для макияжа между зубами, закалывала светлые волосы девушки умелыми пальцами.

Костюмерша снимала платье со стойки и вешала на полусогнутую руку:

– Я их принесу на площадку.

– Через десять минут начинаем. Только проверю задник. – Луиза вышла.

Подошла Мария.

– Хотела спросить, почему ты так поздно, – сказала она с сильным славянским акцентом, – но потом поняла, что мне плевать.

Он просунул палец в шлевку и притянул ее к себе. Ее волосы пахли яблоками, кожа – косметикой и лаком для укладки – незаменимыми атрибутами ее профессии.

– Если бы я тебе сказал, ты бы мне не поверила.

Она вынула кисточку изо рта:

– Ты девушек клеил.

– Причем четырнадцатилетних.

– Меня это не удивляет. – Ее рот был так близок, что он рассмотрел крошечную веснушку у верхней губы. – Ты мерзкий тип.

– Стараюсь.

Она поцеловала его, потом отодвинулась:

– После этой у меня еще одна съемка. В Сохо. Увидимся?

– Если только у тебя.

– Ты ночевал в доме своей бывшей?

– Это и мой дом. Я тебе говорил.

– И она не против, что ты вернулся?

– Мы не обсуждали это в таких выражениях.

Она прищурилась:

– Я ей не доверяю. Какая уважающая себя женщина примет назад экс-муженька вроде тебя? Когда мой бывший парень в Кракове попытался вернуться в мой дом, я схватила папино ружье и взяла его на прицел. – Она изобразила, как целилась.

Мак задумался:

– А что, это вариант.

– Оказалось, что зря. Он только хотел отдать мой сиди-плеер. – Она повернулась, собираясь уходить, по дороге подцепила виноградку из вазы с фруктами. – Мне его тоже не хватало.

Чертовы ворота опять заклинило. Пытаясь выровнять створки и замкнуть висячий замок, Ковбой Джон вдруг увидел знакомую фигуру. Девочка бежала к нему, школьная сумка ударялась о бедро.

– А я собирался закрывать ворота. – Он снял висячий замок с петель. – Прождал тебя вчера весь день. Боялся, с тобой что-то стряслось. Где ты пропадала, дочка? – Он закашлялся, резко и хрипло.

– Они поместили меня в Холлоуэй. – Сара бросила школьную сумку на булыжник и побежала к стойлу Бо.

Ковбой Джон закрыл ворота и на негнущихся ногах пошел за ней следом. Осенняя прохлада пробирала его до костей.

– Тебя посадили в тюрьму?

– Нет, – ответила она, сражаясь с защелкой на дверях стойла. – Социальные органы. Они сказали, я не могу жить одна дома без Папá, и отправили в эту дурацкую семью. Они живут в Холлоуэй. Они думают, я сейчас с Папá. Иначе мне сюда было бы не выбраться.

Она бросилась на шею лошади, и он увидел, как ее затрясло: будто накопившееся за день напряжение вырвалось наружу.

– Ты держись. Держись. – Он щелкнул выключателем и зажег свет. – Тебе надо расслабиться. Черт, что вообще происходит?

Сара повернулась к нему, ее глаза возбужденно блестели.

– Во вторник нашу квартиру ограбили. Женщина, которая подвозила меня до дому, юрист или что-то в этом роде, заставила меня переночевать у нее. Сказала, одной у себя мне оставаться опасно. Потом они отвезли меня в социальные органы, и теперь я живу в чужой семье. И останусь там, пока Папá не станет лучше. В этой семье из Холлоуэй. Они совершенно чужие. Я сюда добиралась час с четвертью на автобусе.

– И чего они добиваются?

– Все было нормально, пока квартиру не ограбили.

– Дедушка знает об этом?

– Не знаю. Я его только завтра увижу. Они не знают про Бо. Им нельзя о нем говорить, а то они и его куда-нибудь поместят.

– Не беспокойся ты об этом. – Ковбой Джон покачал головой. – Никуда его не заберут.

– Мне теперь даже нечем платить за конюшню. Они забрали пенсионные книжки Папá и выдают мне деньги только на автобус и на обед.

– Не волнуйся ты так. – Джон видел, что она на грани истерики. – Когда твой Папá встанет на ноги, мы разберемся с платой за аренду. Деньги на корм лошади у тебя есть?

Она сунула руку в карман, пересчитала наличность и протянула ему:

– Хватит на четыре копны сена и пару мешков корма. Но вам придется кормить его за меня. Я даже не знаю, смогу ли приходить и убирать навоз.

– Ладно, ладно. Я буду убирать у него в стойле или попрошу кого-нибудь из ребят. А вот что делать с кузнецом? Ты же знаешь, он придет во вторник.

– Знаю. У меня есть кое-какие сбережения. Могу из них заплатить за этот месяц. Но на аренду не хватит.

– Я же тебе сказал: разберемся с арендой, когда Капитан поправится.

– Я верну долг. – Сара будто боялась, что он не верит.

– Знаю. Ты что, думаешь, я глупый? – Он шагнул назад и махнул в сторону пони. – Этим канализационным крысам я не дам просрочить аренду и на день. Но ты и твой Папá... Так, теперь давай успокаивайся. Займись своей лошастью, а там видно будет.

Похоже, она немного пришла в себя. Взяла щетку и начала чистить коня, методично, ритмично скользя рукой по боку, как делал ее дедушка. Казалось, эта простая работа давала ей утешение.

– Сара... Я бы предложил тебе остаться у меня, но дом мал. К тому же я так давно живу один. Был бы у меня дом побольше или женщина, которая могла бы о тебе позаботиться... Не думаю, чтобы они разрешили девочке жить в таких условиях.

– Не имеет значения.

– Ты сможешь запереть здесь все, если я уйду? – спросил он, минуту помявшись. Было видно, что она не спешит уходить. Ковбой Джон прислонился к двери стойла и сдвинул шляпу назад, чтобы лучше видеть девочку. – Слушай, Сара, хочешь, я навещу твоего дедушку завтра, а ты сможешь прийти сюда?

– А вы смогли бы? – Она выпрямилась. – Не хочу оставлять его одного на два дня.

– Без проблем. Ему было бы приятно знать, что Бо продолжает свои цирковые тренировки. И я хочу кое-что с ним обсудить. Хочу поговорить об этом и с тобой, милая, тоже.

Она посмотрела на него с подозрением, ожидая нового удара.

– Я собираюсь продать конюшню Салю.

У нее округлились глаза.

– А как же...

– Все будет хорошо. Я так и скажу твоему деду. Все останется как прежде. Я здесь побуду какое-то время, пока дом продается. Как обычно, ежедневно буду открывать ворота и заниматься делами.

– Куда вы уезжаете? – Она обняла коня за шею и повисла, словно боялась, что и он тоже может куда-нибудь исчезнуть.

– Поселюсь за городом. Где-нибудь, где зеленая трава. Думаю, мои парни это заслужили. – Он кивнул в сторону своих лошадей. Поколебался. Вынул сигарету из рта и сплюнул. – То, что произошло с твоим дедушкой, Сара, меня подтолкнуло. Я уже немолод и, если мне осталось недолго, хочу провести остаток жизни в каком-нибудь спокойном месте. – (Она ничего не сказала, только взглянула на него.) – Мальтиец Саль обещал мне, дочка, что все пойдет по-старому. Он знает о Капитане, знает, что сейчас ему приходится туго. Говорит, что ничего не будет менять.

Она не обязана была отвечать. Он понял это по ее лицу. Принимая во внимание положение, в котором она оказалась, как она могла во все это поверить?

– Спасибо, Майкл, что приехал пораньше. Миссис Перси скоро будет здесь, а я хотела бы пробежаться с тобой по предварительным документам... – Наташа замолчала: вошел Бен с коробочкой бумажных платков и бутылкой охлажденного белого вина. – Обычно мы не поощряем слез, – заметила она, когда Бен аккуратно поставил бутылку на стол перед ней, – но когда имеешь дело с клиентом такого калибра...

– Можно позволить ей немного поплакать.

– И смягчить боль бокалом ее любимого шабли, – улыбнулась Наташа.

– Я полагал, в этой части города речь скорее пойдет о конфискации банки особого напитка, распиваемого в неполюженном месте.

Обаяние и шутливая речь знаменитого адвоката Майкла Харрингтона, специализирующегося на разводах, давали неправильное представление о его остром, как бритва, уме. Наташа помнила, как впервые увидела его в суде, когда еще была стажером, а он – поверенным противной стороны. Она пожалела, что не взяла с собой магнитофон, чтобы иметь возможность потом скопировать обманчиво легкомысленную манеру, с которой он разносил в пух и прах позицию оппонента.

– Хорошо. – Она посмотрела на часы. – Вкратце, женаты двенадцать лет, у него второй брак, некая неясность, как скоро они с мистером Перси сошлись после того, как первая жена его бросила. Чуть больше года назад она застала его на месте преступления с *au pair*³⁰. Довольно банальная история. У нас две проблемы. Во-первых, нет согласия относительно финансовой компенсации, по причине неясности величины активов. Во-вторых, она отказывается соблюдать договоренности о доступе на территорию на том основании, что в период брака он оскорблял ее физически и психологически, а их одиннадцатилетнюю дочь – словесно.

– Запутанно.

– Да. В документах нет тому доказательств. – Наташа пробежала глазами свою записку по делу. – Она утверждает, что всячески скрывала это, так как не хотела портить его деловую репутацию. Теперь, как она говорит, ей нечего терять. Он грозит отказаться от предложенной финансовой компенсации из-за недостаточности активов. Нет необходимости говорить, что дело получит широкий общественный резонанс, учитывая его репутацию. Слушание состоится в Главной канцелярии Отделения по делам семьи Королевского суда. Заседание по урегулированию спора обернулось сплошной катастрофой. Тем временем миссис Перси, похоже... Похоже, собирается предать огласке свою версию событий. Это все, что я могу сделать, чтобы помешать ей обратиться в газеты. – Наташа замолчала, соединила ладони кончиками пальцев. – Ты обнаружишь, Майкл, что это не самый легкий клиент для представления в суде.

Бен просунул голову в дверь:

– Она здесь.

Майкл бросил на Наташу быстрый взгляд, вскочил и с заранее протянутой рукой подбежал к двери встретить миссис Перси.

За годы работы в «Дэвисон и Бриско» Наташа навидалась женщин, подвергавшихся побоям. Она представляла детей, чьи матери клялись, что их мужчина не способен ни на кого поднять руку, несмотря на швы на затылке и на синяки под глазами. Она видела женщин, настолько запуганных годами оскорблений, что разучились говорить в полный голос. Но она никогда не встречала женщины, подобной Джорджине Перси.

Не успел Бен закрыть за ней дверь, как она уже схватила Наташу за руку обеими ладонями:

– Он снова мне угрожает! – Накрашенные ярким лаком ногти впились в кожу. – Позвонил вчера вечером и сказал, что, если не увидит Люси, подстроит мне аварию.

Длинные, тщательно уложенные мягкими волнами волосы спадали на плечи. Дорогая одежда облегла тело, закаленное жесткими тренировками и годами самодисциплины. Но, похоже, на ее лице с идеально наложенным макияжем навечно застыло гневное выражение. Едва она заговорила, как показалось, что вся иная энергия исчезла из помещения.

– Присядьте, пожалуйста, миссис Перси. – Наташа подвела ее к стулу, налила вина в бокал и протянула ей. – Позвольте представить вам Майкла Харрингтона, королевского адвоката, о котором мы говорили. Он будет представлять вас в суде.

– Я ему сказала, что записала разговор. – Миссис Перси ее явно не слышала. – Его угрозы. Все. Разумеется, я этого не сделала, но была так напугана. Сказала ему, что, если со мной что-нибудь случится, запись попадет к вам. И знаете, что он сделал? Рассмеялся. Я слышала, как

---

³⁰ Няня (*фр.*).

эта потаскушка смеялась вместе с ним. – Она умоляюще посмотрела на Майкла Харрингтона. – Он заблокировал мои кредитные карты. Представляете, каково это, когда вашу карту не принимают в «Харви Николс»?

– Мы постараемся в ближайшее время организовать встречу, чтобы решить вопрос о промежуточной компенсации.

– Мне нужен приказ суда, запрещающий досаждать. Хочу, чтобы он не приближался к дому.

– Миссис Перси, – начала Наташа, – я объяснила вам: очень трудно вам помочь без каких-либо материальных доказательств, что вы и ваша дочь подвергаетесь риску или опасности.

– Мистер Харрингтон, он пытается свести меня с ума! Он оказывает на меня все больший и больший нажим, чтобы я выглядела сумасшедшей и чтобы судья отнял у меня ребенка.

Клиентка обращалась только к барристеру, будто он был один в комнате. Это такая женщина, подумала Наташа, которая других женщин предпочитает не замечать.

– Миссис Перси! – Майкл Харрингтон сел с ней рядом. – Из документов, которые я видел, следует, что вы рискуете потерять ребенка скорее из-за неисполнения решений суда, а не из-за подозрения в душевном расстройстве.

– Никогда не отдам ему свою дочь! – категорически заявила она.

Словно впервые увидев Наташу, она закатала рукав и вытянула обнаженную руку. Длинный белый шрам доходил до локтя.

– Это осталось после того, как он стащил меня с лестницы. Думаете, он не может сделать такое с Люси? Вы думаете, я должна оставить мою дочь в доме с этим человеком?

Майкл погрузился в изучение документов. Наташа нагнулась вперед:

– Мы говорили, что необходимо подтвердить ваши заявления о риске для Люси. Вы мне сказали, что няня видела, как муж вас ударил, но в ее показаниях ничего не говорится об этом.

– То была гватемальская няня, а не польская.

– Можно получить показания у гватемальской?

– Откуда я знаю? Она в Гватемале! Толку от нее не было никакого. Пришлось уволить. – Миссис Перси отпила из бокала. – Застала ее, когда она примеряла мою одежду. Будто бы она ей подходила! Будто бы она была способна втиснуться в двенадцатый размер!

Майкл Харрингтон закрыл авторучку колпачком:

– Миссис Перси, видел ли кто-нибудь акт насилия по отношению к вам или к вашей дочери?

– Я же вам говорю! Он такой умный! Он все делал за закрытыми дверями. Говорил, что мне никто не поверит.

Клиентка громко разрыдалась. Наташа переглянулась с Майклом, взяла коробочку с бумажными платками и протянула женщине.

– Я обращаюсь в прессу! – Миссис Перси с вызовом посмотрела на нее. – Чтобы все знали, что он за человек, он и его шлюшка.

– Предлагаю не спешить с этим, – дипломатично сказал Майкл. – Это не расположит к нам судью, и еще очень важно, чтобы нас абсолютно не в чем было бы упрекнуть.

– Вы полагаете? – (Оба адвоката кивнули.) – Но это ужасно! – Дама громко высморкалась в бумажный платок. – Так ужасно.

– Мы некуда не спешим, миссис Перси.

Время шло. Удивительно, какими спокойными могут быть барристеры, когда им платят триста пятьдесят фунтов в час, подумала Наташа.

– А теперь начнем все сначала. Очень важно все сделать правильно.

Наташа послала Бену эсэмэску:

Ляг пораньше. Нам предстоит длинный день. До завтра.

Глядя на ворох одежды на своей кровати, Наташа подумала: когда имеешь дело с настоящим богатыми людьми, это все равно что читать журналы про дизайн интерьеров. После того как она повидала женщину с безупречной кожей, изысканной одеждой из кашемира и шелка, обутую в крошечные дизайнерские туфли, собственный гардероб показался ей старомодным, а ее более чем средняя фигура – бесформенной. Не забывай, напомнила она себе, ты пережила развод легче, чем Джорджина Перси. Женщина бушевала еще час, никого не слушая, противореча сама себе, изливая гнев, горечь и, пожалуй, неподдельную тревогу. Когда она наконец ушла, даже Майкл Харрингтон потерял самообладание.

Открылась входная дверь, и Наташа у кровати подпрыгнула от неожиданности. Наступила пауза, словно вошедший обдумывал, что сказать, а потом из прихожей послышалось неуверенное: «Привет».

Она невольно стиснула зубы. «Привет, милая, я дома», будто они снова были счастливой семейной парой. Она выждала, потом крикнула: «Я наверху!» – стараясь, чтобы ее слова не были приняты за приглашение.

Он все равно, сводя ее с ума, поднялся наверх. В дверном проеме появилась его голова, а потом он сам.

- Хочу заказать еду в ресторане с доставкой на дом. Ты что-нибудь будешь?
- Нет. Я уйду.
- Уезжаешь, – поправил он, заметив чемодан.
- На выходные. – Она подошла к комоду и вынула две сложенные кофточки.
- В приятное место?
- В Кент.

Она не знала, сказать ли ему о коттедже, который арендовала, когда он ушел от нее. Потом испугалась: он может решить, что у нее есть другое жилье, и станет посягать на дом еще больше. Конор предупредил, чтобы она ничего не говорила Маку, как бы он ни был мил. «Все в конце концов обернется против тебя».

- Поэтому дом в твоём полном распоряжении на выходные, – добавила она.

Бросила вещи в чемодан и прошла в гардеробную взять увлажнитель воздуха и косметику.

Мак засунул руки в карманы джинсов. Неловко осмотрелся вокруг, вспоминая время, проведенное в этой комнате, и это было сродни какому-то наваждению. После его ухода она ничего не поменяла. В частности, поэтому Конору здесь не нравилось.

– Значит, можно закатить вечеринку на всю ночь. – (Она резко обернулась.) – Шучу. Ты забыла щетку для волос.

Она помедлила, потом взяла ее. Не могла признаться, что в коттедже у нее была щетка.

Мак потер затылок:

- Я так понимаю, едешь с Конором?
- Да. – Она стояла спиной к нему, упаковывая чемодан.
- Как он?
- Отлично.

– Если это из-за меня, не стесняйся, скажи. Одно слово, и меня не будет весь вечер. Не хочу никому наступать на пальцы. Если не хочешь, не уезжай.

– Все нормально. Не переживай, – солгала она. – Мы почти всегда уезжаем из Лондона на выходные.

- У меня есть где остановиться. Только скажи.

Она продолжала собираться. Его присутствие мешало. Спальня была ее убежищем, после его возвращения единственным неприкосновенным местом. Когда он вновь появился, она с горечью вспомнила времена, когда они весело запрыгивали в постель, дни, когда они смотрели

видео и ели подгорелые тосты... ночи, когда она лежала рядом с ним, чувствуя себя самым одиноким человеком на свете. Кроссовки, сапоги, джинсы. Щетка для волос. Она пожала плечами, не в силах сосредоточиться.

– А куда в Кент ты едешь?

– Это что, допрос? – выпалила она помимо воли.

– Таш, я просто хотел быть вежливым. Мы постоянно уклоняемся от разговора. Я пытаюсь наладить подобие нормального общения. – Его голос был спокойным. – По большому счету я провожаю свою жену...

– Бывшую жену.

– Почти бывшую жену на выходные с любовником. Тебе кажется, это вполне цивилизованно? Сделай шаг навстречу.

Ей хотелось сказать, что это тяжело, намного тяжелее, чем ей представлялось. Но даже это маленькое признание было выше ее сил.

– Деревушка на границе с Сассексом.

– Я здесь долго не задержусь. – Он нахмурился, переминаясь с ноги на ногу на покрытом лаком полу. – Звонили агенты, сказали, что согласовывали окончательные детали. Завтра дом выставят на продажу.

Ее снова покорило. Она стояла посередине комнаты, с ботинками в руке.

– Таш, мы ведь договорились. – Он заметил выражение ее лица.

– Перестань называть меня Таш! – раздраженно бросила она. – Меня зовут Наташа.

– Прости. Если бы у меня было достаточно денег, я бы этого не делал. Мне тоже не нравится идея продажи дома. Не забывай, сколько времени я на него потратил.

Она прижала ботинки к груди. Где-то включили музыку. Громкие звуки отражались от фронтонов домов.

– Может, так будет проще, по большому счету.

– Сомневаюсь, – огрызнулась она. – Но если надо это сделать, давай покончим с этим.

Она закрыла чемодан на молнию и, с трудом натянув на лицо улыбку, прошла мимо почти бывшего мужа и спустилась по ступеням.

Глава 7

Любой неожиданный звук приведет в замешательство горячую лошадь, точно так же как человек приходит в замешательство, когда сталкивается с неожиданной картиной, звуком или опытом.

Ксенофонт. Об искусстве верховой езды

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.